

СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ

Сергей ОРЛОВ

ПИСАТЕЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКАЯ РОССИЯ · МОСКВА · 1974

Сергей ОРЛОВ

**СВИДЕТЕЛИ
ЖИВЫЕ**

Библиотечка «Писатели о творчестве»
выпускается по инициативе и при участии
писателей, преподавателей кафедры твор-
чества Литературного института имени
А. М. Горького

Состав редколлегии:

В. В. Дементьев—главный редактор,
**В. Ф. Пименов, Б. В. Бедный, А. Н. Вла-
сенко, А. М. Галанов, С. П. Залыгин,
В. М. Курганова, А. А. Михайлов,
В. С. Курочкин.**

О $\frac{70202-170}{\text{М-105(03) 74}}$

© Издательство «Советская Россия», 1974 г.

Стихи мои — свидетели живые...

Н. А. Некрасов

Мне не нужно напрягать память, чтобы вспомнить детство: его можно видеть глазами и сейчас. Оно бежит березами и пламенеет рябинами перед зданием бывшей школы, плывет теми же буксирами по каналу, лежит огромным слюдяным простором Белого озера в тихие вечера, синее бескрайними лесами, плещет зарницами, звенит дождями. Все это осталось и по сию пору. Исчезли только подробности, но они очень похожи на подробности детства многих мальчишек, родившихся в деревне.

Я родился в 1921 году в селе Мегра Белозерского района Вологодской области в семье сельских учителей. Отца своего не помню, он умер в 1924 году. Люди, знавшие его, рассказывают, что он был строгий учитель, добрый и веселый человек, уважаемый сельчанами. Я рано начал ходить в школу, точнее сказать — на уроки в класс, так как мы жили в здании школы, где учительствовала мать.

В 1930 году семья наша уехала в Сибирь: отчим

был послан партией на строительство колхозов. За красный галстук в те годы влетало от кулацких сынков, но я носил его с гордостью, как мои друзья-пионеры. В 1933 году мать с братишкой и сестренкой вернулись на родину, а я остался жить с отчимом в Новосибирске: он был направлен на учебу в институт. Широкая Обь, первые многоэтажные дома пятилетки. Потом я вернулся на родину и много рассказывал приятелям о Сибири, степях и железной дороге. Учитель физики, молодой ленинградец Василий Платонович Нилов, рассказами о книгах и звездах зажег любовь к литературе и изобретательству. Попробовал сочинять стихи и строить модели самолетов и ракеты. Порох для ракет мы делали сами, пока не иссякли запасы селитры и серы в школьной лаборатории. Стихи на время перестал сочинять, потому что увлекся рисованием. Влечение к космическим далям осталось платоническим чувством, живущим во мне и сейчас.

Среднюю школу я окончил в 1940 году в Белозерске, старинном городке с крепостным валом и множеством древних церквей. Тихие дома, деревянные мостки, скрипучие калитки, буйные черемухи и зовущие гудки пароходов. На пароходе я и уехал учиться в Петрозаводский университет с твердым желанием писать стихи, печататься. Мое стихотворение «Тыква», написанное в шестнадцать лет, похвалил в статье о творчестве детей в газете ЦО «Правда» Корней Иванович Чуковский.

*В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.*

*Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.*

Когда началась война, мы, студенты университета, вступили в истребительный батальон, из него я был призван в армию. Военком, выслушав мой рассказ о положении на том участке фронта, на котором мы были, «по знакомству» предложил на выбор два рода войск — танки и авиацию. Я стал танкистом. В армии был рядовым, сержантом, курсантом училища, лейтенантом, гвардии старшим лейтенантом.

Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах в танке: воевать приходилось не только с немцами, но и с болотом. Танкисты не любили громких слов и верили в будничные высокие ценности: дружбу, товарищество, долг. В 1944 году меня, обожженного, принесли на носилках товарищи в медсанбат. Из госпиталя я был демобилизован по инвалидности.

Я люблю рыбную ловлю. День Победы встретил на Белом озере, в устье реки Ковжи, на рыбалке. Ни одна травинка не колыхалась, река и озеро сливались с чистым небом — так было тихо. Вместе с встающим солнцем из озера пришла лодка. По воде далеко слыш-

но, и до нас долетел приглушенный дально крик с лодки: «Эй, что вы сидите! Кончилась война!» Мы глянули на огромное солнце за лодкой, не смежая век, и заплакали, не потому, что на солнце нельзя смотреть без слез.

Прошло четверть века. Но до сих пор отсветы того победного рассвета падают на стихи и поэмы нашего поколения поэтов-фронтовиков.

Вероятно, в биографии каждого человека, каждого писателя бывает такой период, когда хочется не то чтобы подвести какие-то итоги, а взглянуть со стороны на сделанное тобою, сделанное твоими товарищами по перу. Этот перелом я ощутил в год 25-й годовщины окончания войны.

Так родилась эта книга. С годами она пополнялась.

Хочу сделать только одно уточнение: в стихах я продолжаю говорить то, что говорю в прозе, и, наоборот, проза является продолжением, развитием мыслей и чувств, высказанных мною в поэзии.

И я буду рад, если молодым читателям в какой-то степени пригодится опыт моих старших товарищей и моих ровесников — поэтов «огненных сороковых».

СОГРЕВАЯ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА..

Все мы помним дискуссию, которая получила название «Физики и лирики». Один молодой инженер выступил на страницах газеты «Комсомольская правда» с заявлением о том, что в наше время строительства, идей, теории, эксперимента, кибернетики, атома и космоса, короче, в век научно-технической революции лирика, стихи никому не нужны. Он отверг богов из глины и дерева и призвал поклоняться новым всемогущим богам из металла — синхрофазотронам, многоступенчатым ракетам, пылесосам, вычислительным машинам, холодильникам, электронным микроскопам и автоматам по продаже газированной воды, считая, что старушке поэзии пора отправляться на пенсию.

Его поддерживали — ветка сирени в космосе не нужна.

Поэт Борис Слуцкий подлил масла в огонь дискуссии, напечатав шутовское, ироническое

стихотворение, которое многими было воспринято всерьез

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне,
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Новый мировой закон просуществовал не долго.

Не прошло и двух-трех лет, как лириков в нашей стране многотысячные толпы поклонников стали носить буквально на руках, тиражи поэтических сборников перекрыли тиражи приключенческих книг, и сейчас сборник стихов тиражом в пятьдесят тысяч — явление почти обычное. Кстати сказать, выяснилось, что главный противник поэзии — инженер сам пишет стихи.

Но вопрос, отстает ли поэзия в наши дни от науки и техники, остается. Это старинный и странный вопрос.

Еще в прошлом веке считали, что литература отстает от жизни. И наверное, пока будет литература, многие будут считать так. Во все времена от поэзии всегда ждут больше, чем она дает, и современники всегда считают, что она отстает от чего-то.

К науке у современников куда более благожелательное отношение, чем к литературе и было и есть.

В том же прошлом веке современники с восторгом приветствовали новые небывалые достижения науки, и надо отметить, что достижения науки для своего времени были тогда действительно небывалыми. Зато везет литературе и не везет науке, когда речь заходит о прошлом литературы и науки.

То, что поражало и вызывало восторги современников в науке и технике, у нового поколения вызывает снисходительную улыбку. С высоты комфортабельных турбореактивный лайнеров самолеты Можайского и братьев Райт — это полотняные этажерки, летающие на касторке. Действительно, на смену монгольферам неумолимо пришли винтовые самолеты, а на смену им реактивные лайнеры. Но достижения современной науки определенно вызовут веселую улыбку у грядущих поколений, потому что по сравнению с наукой будущего они станут малы, если не ничтожны. Иначе обстоит дело с поэзией. Современники могут считать, что она ничтожна и даже вовсе не нужна, но, оглядываясь в прошлое, все, как один, скидывают шапки перед ее блистательными вершинами, уходящими в века. И

ни одна из этих вершин поэзии не перечеркивает, не заменяет другую.

Время — главный и самый строгий судья. Как сказал Есенин, «лицом к лицу, лица не увидать». Я отнюдь не склонен думать, что потомки обнаружат в нашей современной поэзии невиданные вершины, которые мы с вами не смогли измерить и оценить.

Наверно, можно и нужно ругать современную поэзию, но я не считаю, что современная поэзия отстает от науки и техники. Да и следует ли так ставить вопрос — сомневаюсь.

Мир ахнул от восторга и удивления, когда человек, порвав цепи земного притяжения, вышел в космос. Мир с этой минуты изменился и стал уже другим. Но сейчас он уже не удивляется и не ахает при очередной космической акции — к этому привыкли.

Вспомните, как Россия в бесчисленный раз слушала знакомые ей наизусть стихи Сергея Есенина — был юбилей Есенина. Россия слушала их с трепетом и замиранием как в первый раз — к явлениям поэзии нельзя привыкнуть. Но поэзия не может мгновенно изменить мир — путь ее далек и долог, задачи грандиозны.

Наука открывает объективные законы действительности, поэзия тоже воссоздает объек-

тивный мир, но по своим законам. Если бы закон земного тяготения не открыл Ньютон, его открыл бы кто-то другой. Но если современные поэты не напишут свои стихи, их никто не напишет, другие напишут другие стихи.

Я не считаю широкую популярность главным достоинством современной советской поэзии. Но это обстоятельство немаловажное.

Часть молодежи, увлеченная могуществом и красотой современной науки, в святой жажде строительства склонна была отвернуться от поэзии и строить мир без нее. Но что такое мир без поэзии? И молодежь вновь обратилась к поэзии.

Есть такое мнение, что широкий интерес к ней вызван не самой поэзией, а острым проявлением общественной мысли в ней, грубо говоря, это интерес к политике. Да, действительно, современная советская поэзия, значительное место в которой занимают стихи молодых поэтов, наполнена страстями времени, гражданственность присуща ей в высокой степени. Наша молодая поэзия продолжает в этом смысле традиции.

Связь мировоззрения с творчеством и верность гражданственности для советских по-

этов были определены временем и стали сутью вместе с биографиями.

Старшее поколение советских поэтов заявляло о себе словами Маяковского:

Мы
 диалектику
Бряцанием боев учили не по Гегелю.
 она врывалась в стих,
Когда
 под пулями
 от нас буржум бегали,
Как мы
 когда-то
 бегали от них.

С нами дело обстояло иначе. Поколение поэтов, к которому я принадлежу, перед самой войной изучало диалектику в университетах и в институтах. Война ворвалась в нашу университетскую юность, и, как сказал наш однополчанин поэт Сергей Наровчатов:

Мы правильность законов диамата
Проверили с гранатами в руках...

Прошу простить меня за обращение, если так можно выразиться, к биографии вместо аргументации и логических размышлений, но от собственных биографий деться нам некуда.

То, что время влияет на судьбу поэзии, это аксиома. Конечно, наше время научно-технической революции не может не сказаться на развитии современной поэзии.

Поэтому поэт нашего времени, как и в пушкинское время, должен «в просвещении быть с веком наравне».

Это, разумеется, нелегко, но разве нашим предкам было в свое время легче делать это? У них были свои трудности и где найти меру их? Что же касается новых форм поэзии и ее словаря — в какой степени техницизмы войдут в нее — это вопрос практики. С тех пор как ученые открыли атом — он не изменился. Этого нельзя сказать о душе человека. Язык интегралов и формул — это точный язык. Но до тех пор пока люди не перейдут целиком на язык интегралов и формул, поэзия будет всегда сопровождать человека.

Короче говоря и само собой разумеется, я не знаю, какой должна быть современная поэзия — ищу блондинку с голубыми глазами, рост такой-то, талия столько-то сантиметров, бедра такие-то, ноги должны начинаться от шеи. Но убеждения насчет того, какой не должна быть поэзия, у меня имеются. Я глубоко убежден в том, что поэзия не должна заниматься иллюстрацией тех или иных на-

учных тезисов или проблем. Как только она начинает заниматься иллюстрацией, она перестает быть поэзией. Уровень науки, как бы он ни был высок сейчас, непрерывно и стремительно меняется. Вчерашние научно-технические приобретения, в связи с открытием новых, зачастую становятся ложными или ненужными, и, если поэзия будет работать у них на подхвате, жизненность поэзии будет равна нулю. Не дело поэзии идти за наукой в мир бесчисленных частиц атома, в мир интегралов и вычислений, но ей необходимо знать новую психологию людей, рождающуюся с перестройкой сознания в мире точных наук и поступков, определяемых новой коммунистической моралью.

Поэзия, как и наука, — средство познания мира, и служит человечеству. Расстояние между человеческими душами — этими своеобразными звездными мирами — огромны, не измерены и различны. Для того чтобы преодолеть расстояние между планетами и познать другие миры, человечество начало строить космические корабли. Для того чтобы преодолеть расстояние между душами и познать их, существует такая ракетная система, как поэзия. Наука выводит ракеты в космос, вооруженная всем, что имеется у нее в наличии. В от-

личие от поэзии она уже точно знает, какое расстояние до планет, скажем, до Луны или Марса. Ей известно, что до ближайшей звезды, подобной нашему Солнцу, в созвездии альфа Центавра 40 миллионов километров. 4 световых года. Но до недавнего времени наука считала, что космическое пространство между планетами ничем не заполнено, что космическое пространство пусто. Но оказалось, что это не так, между планетами нет пустоты. Солнечные протуберанцы, потоки космических частиц, гигантские вихри энергии заполняют пустоту.

Пространство, которое необходимо преодолеть космической ракете поэзии, не скажу, чтобы исследовано до конца, но с тех пор, как существует поэзия, оно никогда не считалось пустым, в нем поля могучих социальных энергий, пламя политических протуберанцев. С какой стати поэзия должна закрывать на это глаза и изобретать пустоту, которой нет.

Я не верю в возможность формалистической поэзии, рассчитывающей на пустоту.

Я глубоко убежден также и в том, что поэзию нельзя лишать главного в ней, то есть смысла и содержания, формалистическое творчество — явление спиритизма вроде. Спиритизмом, как известно, занимаются давно, и осо-

бенно перед появлением на небе комет, предвещающих конец мира, но спириты были по своему честны и не выдавали свои словесные бормотания за новые литературные течения.

Двадцатый век с помощью науки поднял в небо атомный гриб, затмивший своим злоеющим сиянием солнце над Хиросимой, и вселил в души людей страх и холод. Но этот же двадцатый век с помощью науки поднял над земным небом выше черного взрыва бомбы улыбку Юрия Гагарина, увиденную разом миллиардами людей со всех материков, улыбку человека, озарившую душу людей надеждой и верой в себя.

Какова же роль поэзии в этом нашем двадцатом веке, открывшем бездну, за порогом которой ничто, и одновременно открывшем дорогу, на которой человечество может быть бессмертным.

Наверно, на этот вопрос можно дать ответ. Но сначала придется дать ответ на вопрос, какова роль слова, любви и правды. Увы, я не господь бог, и не ученый, так что не ждите ответа от меня.

Я догадываюсь только об одном, что еще в пору пещерного бытия человека зародившаяся у костра песня поэзии была союзницей огня, согревшего нашего пращура.

В наш атомный век поэзия, как суверенная сила, всегда выступает вместе с наукой на пути к счастью человека. Согревая душу человека, поэзия выступает против сил зла, которые хотели бы с помощью науки сковать холодом и оледенить эту душу навсегда.

ВЫСОТА ПОЭЗИИ

...Люблю творчество Антуана Сент-Экзюпери, французского летчика, погибшего на великой войне с фашизмом.

То, к чему он прикасался, становилось хлебом и мыслью. Он ощущал планету, как свою мастерскую, ненавидел и сокрушал стены, брал на себя ответственность и никогда не терял веры в человека. Он ненавидел войну и поклонялся красоте. Знал неизмеримую силу обыкновенной улыбки, чувствовал связь времен, материалов и созвездий в каплях обыкновенного человеческого бытия. Гуманист, солдат, мастер, он никому не прощал слабости и ошибки, в трагических пожарах века верил в сказки и волшебство. Впрочем люди, пишущие стихи, уже оптимисты. Вспоминаю о Сент-Экзюпери совсем не для того, чтобы сравнить, провести аналогию, назвать одного поэта другим или утвердить их близость. Вспоминаю потому, что не могу не вспомнить того состояния напряжения и ра-

дости открытий, с которым я когда-то читал впервые книги Экзюпери. Сейчас я перечел Мартынова.

Настоящие поэты сами становятся рядом, их роднит цель и вдохновение, хотя у каждого своя почва, своя земля, горячая или снежная, свое небо. А то, что они рождают в душе ощущения и мысли, сходные по силе, насколько не умаляет ни одного из них.

Леонид Мартынов чувствует мир единым от бедного старого Овидия, сидящего у костра с древними пастухами в овечьих шкурах, до просторов будущего, в которые еще не ступила нога человека, но на которые уже пала светлая тень человека, опережая его самого.

И точно так,
Как тени прошлого,
Вдруг возникают между нами,
В грядущем — потому и ждешь его? —
Мы существуем временами.

Поэт творит мир заново, как полагается поэту, не из особых материй, а из песка, глины и камня ежедневности, из грохота городов и рева реактивных турбин, из ивняковой тишины безымянных речек и шороха хлебных полей. Он берет на себя ответственность за

все в этом сложном, тревожном и праздничном мире, не деля на доброе: «это мое», а иное: «это не мое».

За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.

Он верит в свою силу и не страшится ответственности, потому что он знает: есть еще люди, в которых он уверовал больше всего на свете. Нет, это не великаны и всемирно известные герои, не блистательные гении-одиночки, а просто, люди, которые в общем мало просят, в общем мало знают.

Они —

Люди
В общем незаметны,
Но довольно много значат.

Их много,

и они прекрасно чувствуют,
если где-то распинают
и кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилия
люди смешивают с пылью,
сбрасывают их со счета.

Гуманизм, вера в своего современника, творца истории и всех земных чудес, основная

закваска или цемент, как хотите называйте, творчество Леонида Мартынова.

Вдохновение роднит поэтов, но то, как они месят глину и создают формы для отливки, делает их непохожими друг на друга.

Стиль — это мир, можно сказать и привычной: стиль — это человек. А люди так непохожи друг на друга, у них есть много отличий.

Стихи Мартынова просты и ясны в конечном счете, как те истины, которые они заключают в себе. Однако истины в банальном изложении сами по себе — может, потому, что они вечны — мало кого волнуют. Но участие в открытии их потрясает и преображает человека, делает его творцом. Ученый, совершая научные открытия, будь то законы материи или никому до него не известная живая клетка, меньше всего думает о том, чтобы этот новый закон или клетка поправились кому-то. Для него важна истина. Словарь Мартынова не сверкает самоцветами, в нем встречаются рядом с житейскими высокие и торжественные слова, рядом с архаичными, оживающими, слова новые, из мира быстро развивающейся техники, которым, казалось бы, не место в поэзии. Поэт совсем не думает о том, чтобы понравиться кому-то красивым

и ярким нарядом, для него, как и для ученого, важна истина, то есть правда. Но он приглашает своего читателя в соавторы, слово и образ — единственные инструменты, которыми пользуется поэт в своей трудной работе, вот они, нате. И читатель вместе с поэтом открывает истину заново, и она становится его личным открытием:

Кто следующий?
Ты следующий!
Во многом еще не сведущи,
Но ясную цель преследующий,
Моим оружием орудующий.

Оружие слова поэт употребляет иногда и для прямых ударов по косному, злому, отживающему, лирическая строка становится жесткой, угловатой, и это не фельетон, не сатира, а все та же лирика, которой, как это бывало, привычней звенеть колокольной медью, но, оказывается, она может становиться и ядовитой сталью. Разве это не она, хотя бы в этом коротком стихотворении, которое привожу полностью.

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое.
Пусть жрет,
Пусть лопнет.
Мы — враги.

Границы добра и зла резко очерчены поэтом. Мир сложен и многомерен, в нем меньше всего прямых, параллельных линий. Но, выявляя зло, поэт обнажает его уродство до предела и безгранично расширяет просторы добра и света. В мире есть «лукоморье» — сказочное, населенное волшебниками и чудесами, оно не за морями и горами, а рядом с людьми, с их ежедневными заботами, большими и малыми, совсем неподалеку от дребезжанья кастрюль коммунальных кухонь. Что, люди не знают о нем, не слышали? Но ведь вот рядом человек, он играет на флейте, играет удивительно, призывно, пронзительно. Ах, они слышат его, они хотят слушать его. И с песенкой флейты начинается дорога к «лукоморью», еще немного — и люди вдруг разом увидят эту волшебную страну, она уже звучит в их квартирах, в их душах. Человек поет — он хочет песен.

Сложность мира, этого грозного праздника, в котором нет и не может быть серых бу-

дней, вся до космических высот и глубин истории взывает к человеку, к геркулесу обыкновенного роста со страниц стихотворных книг Л. Мартынова. Тревога вска пульсирует в строках поэзии.

И опять колокола
Бьют тревожно и набатно...

Неужели же обратно
Закопают корень зла?

О некоторых поэтах говорят, что у них своя тема, которую автор хорошо разрабатывает. Большой поэт не разрабатывает тем, он чувствует связь вещей, и к чему бы ни обращался он в своем творчестве, он, выворачивая камень, творит здание мира, которое никак не назовешь безликим словом «тема». Так и поступает Леонид Мартынов: капли человеческого бытия в его стихах отражают свет звезд и дали времен не только давних и нынешних, но и грядущих, в которых

Успокоился воздух,
И дубравы, и нивы.
Только где-то на звездах
Какне-то взрывы.

Поэт ощущает мир трепетно, нервно, мудро. И даже пустота, встречающаяся в нем,

для него не просто пустота, а явление событий, которые требуют ответа.

И если слушаю пустые строфы
И перед беспредметным полотном,
Я думаю лишь только об одном:
А какова причина катастрофы?

Понять, принять на себя ответственность не только за светлое и доброе — это значит начать бороться и победить.

Леонид Мартынов от мира сего поэт, он посланец в поэзию от наших страстей, борений, надежд и загадок на будущее. Его открытия нас в нас самих — его книги «Лукоморье», «Первородство» — достойная высота поэзии.

УДИВИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

Кто из любителей советской поэзии не знает стихов, коротких, как сверкающие полукружья сабельного клинка, посланного из ножен сильной и точной рукой, стихов, выверенных чувством и мыслью, ясных и чеканных:

Виноторговцы — те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.
Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.
Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

Родником, холодком, свежестью и чистотой веет от них. «Есть такая сторона — русская поэзия». Автор процитированных строк поэт Николай Ушаков появился в этой стороне еще в 1923 году. Сторона в данном случае — не часть целого, не грань, не направление, а по-домашнему, по-народному — край, стра-

на, держава. Держава русской поэзии велика, протяженность ее измеряется тысячелетиями. В дымке времени простираются в ней горные хребты народных былин, сверкает солнцем снеговая вершина «Слова о полку Игореве», возвышаются многие горы, плещутся моря, текут могучие реки, звенят ручьи, уходят вдаль просторные дороги, петляют тропинки, шумят леса, рощи и травы. Но великое в ней не заслоняет меньшего, потому что тропинка выводит на широкую дорогу, ручей к реке, а реки к морям.

...Как-то раз, во время недели поэзии, проходившей в Москве, любители стихов собрались в зале Политехнического музея, где один за другим выступали поэты. Николай Ушаков, похожий внешне чем-то и на бухгалтера и на Ромена Роллапа, глуховатым, без выражения голосом прочел процитированное мной стихотворение «Вино». Из зала поступила записка. «Спасибо за наслаждение, доставленное стихами. Где напечатано стихотворение?» Человек, приславший эту записку, видно, недавно начал читать стихи, раз он не знал о том, что «Вино» печаталось не раз и давно входит в антологии. Но и его, ценску-

шенного, обдало свежестью и поманило за собой, как открытие, слово поэта. Я рад за неизвестного мне молодого человека, он прочтет после встречи в Политехническом музее стихи Николая Ушакова и отправится с ним в страну русской поэзии. У молодого человека появился новый верный спутник — поэт. «Я своих поэтов знаю наизусть», — писал когда-то Ярослав Смеляков. Я считаю Николая Ушакова своим поэтом. Меня всегда пленяли законченность, точность, и чистота его стихов, емкость образов. Стихи, похожие на работу мастеров черни по серебру где-нибудь в Великом Устюге. Нет там вокруг ни экзотических птиц, ни диковинных деревьев, чтобы они, подстегнув фантазию, помогли изобразить на металле буйное кипение узоров, цветов и линий. Простой рисунок, исполненный уверенной рукой мастера, пронзает чистотой и точностью исполнения, соразмерностью частей.

Короткие стихотворения нельзя, конечно, сравнить с романами, но иногда они живут в памяти рядом с ними, поражая своей емкостью. Таким является двадцатистрочное стихотворение Николая Ушакова «Светопреобразование». По-моему, оно равно «Приваловским миллионам» Мамина-Сибиряка или «Угрюм-реке» Шишкова. За стихотворением чув-

ствуется драма человеческих отношений, полная тоски, винного перегара, грубых скандалов за семью замками, и все это выражено с помощью предельно экономных поэтических средств.

Старый флигель меж сараями —
Три окошка, два крыльца.
Там в шкатулке несгораемой
Были деньги у отца.
Жил он правилами старыми,
Аккуратно вел дела.
Убежала мать с гусарами
И в трактире померла.
Дочка молится, не ленится,
От тоски на волоске.
Бродит чайная келейница
В мантии и клобуке.
Монастырь построен выгодно —
В частом лесе, не в степи.
Старший брат сидит безвыходно
В желтом доме на цепи.
Божья мать с безумным отроком.
Улыбается ему.
И ведут цыганки под руки
Брата младшего в тюрьму.

Это короткое стихотворение так и называется — «Светопреставление».

Много можно вспомнить наизусть из Ушакова: «Кладбище паровозов», «Тыходишь в сад», «Московскую транжирочку» или хотя

бы легкие, как скороговорка, стихи о неуны-
вающем солдате первой мировой войны:

Почему-то, отчего-то
Он остался невредим.
Полтораста самолетов
Бомбы сбросили над ним.

Поэт не увлекается словами яркими и не-
обычными, с помощью резких, скупых штри-
хов он умеет создавать картины, полные пер-
спективы, высоты, воздуха, напряженности.

Луна в нетопленный вокзал
плывет торжественно и грозно,—

бросает он, а ты уже видишь где-то на граж-
данской войне разбитые окна станции, дыру,
пробитую в стене снарядом, слышишь тревож-
ность тишины, которую в любую минуту могут
нарушить выстрелы и ливень ногков неожиданного кавалерийского налета.

В стране русской поэзии, которую я люблю, Николай Ушаков живет давно. И благодаря поэту — большому мастеру переводов — слышнее стала речь приднепровских круч за Киевом, старинных шляхов в степи, молодых морей у бетонных плотин. Знаток и ценитель украинского поэтического творчества, Николай Ушаков немало перевел на русский язык

украинских стихов. Он подружил нас с многими поэтами Украины. Н. Ушаков перевел многие произведения Ивана Франко, Леси Украинки, Тараса Шевченко, Павло Тычины, Максима Рыльского и других.

Многие стихи Николая Ушакова выдержали самое трудное испытание — испытание временем так, как мастер из стихотворения, написанного им довольно давно и ставшего хрестоматийным:

Мир не закончен и не точен, —
поставь его на пьедестал
и надавай ему пощечин,
чтоб он из глины мыслью стал.

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Один из старейших мастеров советской поэзии Алексей Александрович Сурков родом из ярославской деревни, его дед и бабушка земляки и современники тех русских крестьян из века давно минувшего, которые живут бессмертной жизнью в наших днях на страницах книг великого поэта Некрасова.

В своей биографии Алексей Сурков пишет о Николае Алексеевиче, как о любимом поэте детства. «С книжкой Некрасова, подаренной за «отличные успехи» в нехитрых науках и перешагнул я порог нашей школы в нелегкую взрослую жизнь».

Нелегкая жизнь и увлечение поэзией Некрасова, очевидно, и определили те демократические и эстетические принципы его творчества, без которого немыслима наша большая советская поэзия.

Биография поэта ярче всего проявляется в стихах, ибо она не только события, годы работы и службы, города, края и страны на

пути, но прежде всего, пережитое, прочувствованное, осмысленное и обобщенное, вызревшее и родившееся в душе и сердце.

Тютчевское крылатое определение «нам не надо предугадать, как наше слово отзовется», вспоминается в самом прямом и конкретном смысле, когда думаешь о судьбе крестьянского мальчика, шагнувшего в жизнь с книгой Некрасова.

Ярославская деревня тех далеких лет, хотя и не шибко грамотная, знала пусть даже чаще всего изустно поэзию своего великого земляка — певца горя и скорби народной — Некрасова.

В душе, одаренной природой чувством поэзии, чувством слова, слово Некрасова отзывалось по-особому, в отличие от других сотен тысяч крестьянских парней Ярославщины, оно определило жизненное признание, творческую судьбу Суркова.

В смысле профессиональном ее определила, конечно, Октябрьская революция, солдатом которой стал восемнадцатилетний Алеша Сурков, без нее таким, как он, дорога к свету, к знаниям, к культуре оставалась бы навсегда закрытой. Поэт, Герой Социалистического Труда, общественный деятель Алексей Сурков словом и делом активно служит своему наро-

ду, советскому многонациональному обществу, строящему прекрасное будущее — коммунизм. Его книги изданы миллионными тиражами, его песни, ставшие народными, любимы и поются по всей стране. География его поездок по свету для укрепления и развития культурных и общественных связей включает восточные азиатские страны, недавно вставшие на путь самостоятельного национального строительства, и страны капиталистического Запада.

Он принимает активное участие в конструктивной культурной деятельности нашей державы по укреплению мира. Со многих высоких международных трибун звучало и звучит его слово в защиту мира между народами, на страницах печати он, как публицист, сражается острым пером с врагами разрядки напряженности, и, как поэт, славит свое отечество и своих современников: солдат, рабочих, крестьян, безымянных героев мирной трудовой жизни, не раз встававших на защиту ее с оружием в руках против сил зла, порабощения и войны.

Во время Великой Отечественной войны в 1942 году, под Ржевом, оглядываясь на свой путь, он написал о себе:

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне с восемнадцати лет
Я солдатскую лямку тяну.

Четыре войны на одну человеческую жизнь.
Не многовато ли это? И тем не менее это так.

С первой войны, на которую ему «выписал писарь дальний билет» и которую вынуждена была вести революция за свободу и независимость трудового народа против угнетателей вкупе с четырнадцатью иностранными империалистическими державами, и принес он высокий идейный поэтический потенциал в молодую советскую поэзию.

Революция и гражданская война в своих ветрах и пожарах, в невиданном стремлении человеческих душ к новым бессмертным идеалам, всколыхнувшим миллионы людей на штурм неба, родила своих поэтов, для коих естественной потребностью стало необходимостью высказать все, что было с ними и со страной, высказать своим языком, близким и понятным их товарищам в серых шинелях и кожаных куртках.

Перед поэтами не стояло вопроса, о чем писать, близкое лично пережитое переполняло их, перед ними стоял только вопрос, как о том поведать людям, какими красками, рит-

мами, музыкой, каким эстетическим светом озарить все, что жило в их сердцах.

То, чем жила и как выражала себя пред-революционная поэзия, которая существовала на печатных страницах и была знакома им, начисто не годилась для этого.

Надо было найти новые слова, краски, ритмы, музыку для создания во плоти нового времени, нового мира.

Был, конечно, Маяковский — великий поэт революции, были «Двенадцать» Блока, услышавшего музыку революции и передавшего в поэме ее ритмы. Но каждый из новых поэтов должен был выражать себя по-своему неповторимо, чтобы войти в русскую поэзию.

Тихонов, Прокофьев, Багрицкий, Луговской и Сурков, начавшие работать в советской поэзии не совсем одновременно, хотя они были ровесниками и братьями по большой социальной судьбе, вошли в поэзию с общей темой, со стихами о революции и гражданской войне. Ныне страницы, написанные ими тогда, стали хрестоматийными. Голос каждого из них не похож на голос другого, краски, которые они смешивали на своих палитрах, различны, но были у них, кроме идейной общности, и общие эстетические позиции, послужившие им в пору творческого становления.

Я бы назвал это верностью и творческим продолжением традиций великой русской поэзии девятнадцатого века, верностью ее реализму, близостью к жизни народа, точнее сказать, народностью.

Может быть, кроме природной одаренности, им помогло в выборе поэтического пути счастливое творческое триединство. Поэт, герой и читатель, реалии естественно различные, если не разобщенные. Но в их судьбах они были объединены обстоятельствами героического времени, слиты в каждом из них. Они были и героями своих стихов и их авторами, а также, можно сказать, и читателями, так как жили их жизнью, их бедами, трудностями и высокими помыслами и мечтами, греясь у одних и тех же походных костров

Традиции русской поэзии широки и плодотворны. Если в творчестве Александра Прокофьева прямо сказалась и вдохновенно трансформировалась в литературную традиция фольклорная, красочность и песенность ее, то в творчестве Алексея Суркова в пору его становления многое определили поэтические принципы Некрасова.

Это можно почувствовать по выбору героя для стихов Сурковым, его герой тоже

всегда человек из народа. Сурков его отлично знает, и даже дело не в том, что герой тот же ярославец, какого хорошо знал и встречал на дорогах и в селах или у парадного подъезда в Петербурге Н. А. Некрасов, он, этот герой, перестав быть долготерпеливым ярославцем, стал ныне активным человеком, хозяином своей судьбы и строителем своего счастья.

Пристрастность, истовость в отношении к своему герою автора при его изображении в стихах имеют более определяющее значение.

Это видно также и в отношении к обыденным жизненным фактам, в которых ищет и находит поэзию Алексей Сурков.

О своем герое Алексей Сурков заявил обобщенно, в ставшем для него программным, прекрасном стихотворении еще в первой своей книге стихов «Запев»:

Словом — личность по части экзотики куцая
Для цветистых стихов приспособлена плохо.
Он ходил в рядовых при большой революции,
Подпирая плечом боевую эпоху.
Сыпняками, тревогами, вошью изглоданный,
По дорогам войны, от Читы до Донбасса,
Он ходил — мировой революции подданный.
Безымянный гвардеец восставшего класса.

Это ранние стихи Суркова, но в них есть все характерные краски и интонации его своеобразного поэтического голоса.

У больших поэтов период становления голоса, как правило, не затягивается надолго, довольно быстро в их творчестве наступает момент, с которого индивидуальность, обретая себя, становится характерной, далее расширяется диапазон ее, увеличивается круг тем, углубляется мироощущение, но голос или почерк автора с того момента будет узнаваться уже всегда во всех новых произведениях, так было и с Сурковым.

Лирический герой Суркова, идейный портрет которого запечатлен в приведенных выше стихах, во многих других произведениях, конечно, более конкретизирован, часто он даже списан с натуры, имеет и имя и фамилию, а не только свой характер, но всегда это «гвардеец восставшего класса».

Это и «трехаршинный матрос Петро Гаманенко» и синеглазый дозорный Ленька из суровых и беспощадных стихов «О нежности», и безымянный шестой из стихотворения «Шестой».

Точно, скупно рассказывая только о главном в человеке, рисует Сурков портреты своих героев. С высокой мечтой о счастье для

всего трудового народа идут они из боя в бой. Они не любят красивых слов, не произносят высокопарных речений, наоборот, даже с самыми, можно сказать, обыкновенными бытовыми словами они отдают во имя светлой грядущей жизни, самое дорогое, что у них есть — жизнь.

Глубокое проникновение в сущность характеров в лирике Суркова определяется не только знанием правды жизни во всех ее измерениях, но и в способах раскрытия ее, в одних случаях это делается от лица героя в форме исповедального монолога, в других — от первого лица поэт ведет свой рассказ, не сдерживая своего личного отношения ни к герою, ни к окружающим его обстоятельствам, включая картины природы, а иногда это баллады, стремительно воспроизводящие движение, события, действие души.

Во время зимней кампании тридцать девятого года в войну с белофиннами герой Суркова предстал в его стихах в новых психологических измерениях еще более углубленный поэтом.

Трудная военная зима, трескучие морозы Карельского перешейка, свист пуль, сливающийся со свистом метели, солдатский долг, как самый тяжкий труд рабочего человека

на земле, предстают в стихах мастера зримо, объемно. Лирический герой стал внешне еще более заземленным, а на самом деле еще более земным простым и вместе с тем сложным.

Правдивость характеров, в правдиво воспроизведенных обстоятельствах исключает возможность появления в стихотворениях лишнего слова, эпитета, лишней краски, поэтический арсенал автором как будто сведен до жизненно необходимого в бою снаряжения пехотинца.

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.
С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

И вместе с тем в стихах, написанных в северных лесах, стало все больше появляться интимных чувств, связанных с самыми близкими людьми, с природой, соотносящейся с человеком, так как на войне все это обостряется, становится дороже и незаменимеей.

Духовный мир человека на войне, его поведение в пекле боя с еще большей полнотой

раскрываются Алексеем Сурковым в его поэзии, созданной во время Великой Отечественной войны.

Человек и война. Оглядываясь на историю своего отечества, трудно называть сочетание этих слов, понятий сухим словом проблема. Еще труднее решать ее на чистом листе бумаги в художественных образах, когда эта проблема стала главной проблемой современного мира, и мера ответственности писателя при этом множится на три с половиной миллиарда жителей земного шара. В XIX веке Николай Алексеевич Некрасов выразил в стихах высокогуманистического взгляд на войну, свойственный лучшим умам времени, с исчерпывающим лаконизмом и предельной ясностью.

Внимая ужасам войны
При каждой новой жертве боя,
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы, утешится жена,
И друга лучший друг забудет,
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет.

«Когда говорят пушки — музы молчат». Это старинное крылатое изречение живет до сих пор, потому что оно не только начисто

опровергалось самой поэзией с убедительностью вдохновения, не требующей иных доказательств, чем те, которые представляла поэзия, но и подтверждалось не раз, когда поэзия замолкла при грохоте пушек.

В истории, полной драматизма, поэзия не раз поднималась до высот необыкновенных в тяжелейшие для народа времена. Из глубины веков она донесла до нас голос поэта, прозвучавший в дни междоусобных распрей и нашествия беспощадных захватчиков, голос, призывающий к единению и защите своей земли, голос, выразивший с бессмертной силой стремление к свободе и сплоченности в поэме «Слово о Полку Игореве». Это ли не опровержение формулы о молчании муз.

В Отечественной войне 1812 года силы народа, развернувшиеся в борьбе с иностранными захватчиками, стали источником вдохновения для литературы девятнадцатого века, создавшего могучие патриотические произведения как в прозе, так и в поэзии.

Но во многих иных войнах поэзия замолкала совсем. Музы не откликались на грохот пушек, чтобы поддержать его.

Советская поэзия, рожденная революцией,

стремясь выразить душу народа, изначальное свои истоки берет из чувства советского патриотизма. В ней нет и не может быть пацифистских настроений, ибо общество, народ, всегда активно выступали и выступают против захватнических войн, активно ведя борьбу за мир.

Поэзия Отечественной войны, рожденная советскими поэтами всех поколений, которым пришлось в едином строю сражаться оружием и словом, явление необыкновенное.

Время и читатель, сущий и будущий, достойно оценят написанные огнем страницы в общей книге русской поэзии от строк безымянного гения, воскликнувшего в «Слове о полку Игореве»: «О, русская земля, ты уже за холмами еси!», от «Бородино» и «Полтавы» Лермонтова и Пушкина.

Мы же можем сказать без преувеличения, что она ценна уже тем, что это документ духа народного, в котором все с подлинным верно и неопровержимо, а документы истории, как известно, не стареют с годами.

Оглядываясь на историю нашего народа, на страницы его поэзии, замечаешь, что истинная поэзия активно участвовала только в войнах, которые велись за свободу национальную или социальную.

В войнах империалистических, захватнических она не участвовала, а если и участвовала, так только восставая против них. Так, первая мировая ничего не дала, кроме казенных «патриотических» виршей, начисто забытых временем. А то, что осталось и сохранилось в памяти, так это было направлено против войны; вспомним Маяковского:

Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду.
Я лучше в баре блядам буду
Подавать ананасовую воду...

Во время Великой Отечественной войны поэзия поднялась на бой с лютым врагом вместе с первым солдатом на заставе у Бреста... Вместе с ним поднялись в бой многие большие советские поэты и среди них Алексей Сурков, которому не надо было долго снаряжаться, так как он был старым солдатом, для которого эта война была уже четвертой в жизни.

В горестном сорок первом году, когда фашистские танкисты, встав в башенных люках своих машин уже могли видеть в бинокли башни Московского Кремля, поэт Сурков предвидел не только их бесславную гибель, но видел сквозь пламя горящих сел Подмоско-

вя, сквозь время мирный труд неизбежно грядущей нашей победы.

Короткое стихотворение, написанное под Москвой в сорок первом году, глубоко личное по содержанию, клятвенное по своей страстности, заключало в себе мысли и чувства миллионов, передавало образно историзм мышления народа, который не зря и неспроста вспомнил в этот тяжелейший для него период, когда была оккупирована врагом Украина, Белоруссия и половина Европейской России, что у него есть еще исторические просторы, необъятная территория, на которую никогда не ступала безнаказанно ни одна нога оккупанта.

И, может, с этой не занятой врагом территории пошли на Запад полки, ломая насмерть дивизии новоявленных «нибелунгов».

Курганами славы покрыта родная равнина.
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река.
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь славянина,
Что в грозные годы душа славянина кротка.
От нас убегали монгольские орды Мамая.
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли.
На полчища Гитлера кованый меч поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы славянской земли.
От Волги и Дона до Савы, Моравы и Дравы
Коврами цветов мы над пеплом покроем луга.
Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахаря плуг разровняет могилы врага.

Поэтическая работа Алексея Суркова во время войны должна бы рассматриваться и анализироваться подробно специалистом критиком, а также и историком Великой Отечественной войны, так как в ней запечатлено много не только фактических подробностей великой битвы, но в ней есть много портретов невыдуманных людей, которых не назовешь словами «лирический герой», потому что они жили, воевали, а может, на счастье, живут и ныне.

Но, конечно, значительность и многогранность лирики военных лет Алексея Суркова определяются не только художественным осмыслением подлинных фактов и созданием портретов подлинных людей.

Глубокие личные переживания и чувства окрашивают непрестанно и освещают острые и тихие мгновения и большие жизненные явления в масштабах глобальных.

Концепция мира сущего, творимого поэтом из огня, нежности, патриотизма, любви и ненависти, присущими только ему словами, ритмом и музыкой души, то есть индивидуальными средствами выражения, определяют силу лирики военных лет Алексея Суркова.

Даты, поставленные под стихами, и также названия фронтов, городов и сел, где шли

бои, на протяжении всех четырех лет войны— это только география событий, но поражаешься и широте ее.

Лирический характер героя стихов Суркова определяется еще более четко и ярко, проявляя в боях и коротких привалах личные индивидуальные черты и чувства героя, поэт создал характер советского человека на войне, обобщенный, типический, правдивый в своей естественности и личной скромности.

Еще в сорок третьем году под Харьковом поэт написал улыбочное стихотворение о герое войны и о его предполагаемом осмыслении в литературе, названное «Жизнь и мечта».

Умолкнет гром, пройдут года,
Мы постареем вдвое, втрое,
И будет сложена тогда
Легенда-сказка о герое.
Как шел он, не жалея сил,
Против жестокого течения
И в смертный час произносил
Высокопарные реченья.

Поэт, прошедший рядом со своим героем в пешем походном строю всю войну, евший с ним одинаковую пайку хлеба и пивший из одной баклажки,—иронизирует по поводу такого изображения героя, потому что он от-

лично знает подлинную высоту его характера и неприкрашенную красоту его души. Художнические позиции Суркова определены жизнью, большим поэтическим опытом, и в своем творчестве он всегда верен им.

В конце стихотворения он так обобщает свое отношение к художественному вымыслу и к героям стихов:

Их явь и их ночные сны
Цвели цитатами едва ли.
А вот судьбу своей страны
Они в обиду не давали.
Пусть их прикрасят — не беда.
Воображенье любит мощи.
Ведь человечья жизнь всегда
Была грязней, святей и проще.

Сам Сурков не прикрашивает своих героев, он следует принципу, высказанному в последних двух строках цитируемого стихотворения.

Два широко известных стихотворения Алексея Суркова, ставшие еще в годы Отечественной войны народными песнями, характерны для его творчества в это грозное ответственное время. Они хорошо передают и особенность таланта поэта, особенность его поэтической манеры — высокую гражданственность, публицистичность и человечность и проникновенный лиризм.

Я говорю, конечно, о «Песне смелых» («Смелого пуля боится, смелого штык не берет») и о «Землянке» («Бьется в тесной пещурке огонь. На поленьях смола, как слеза...»).

«Песня смелых» окрылена суровым пафосом всеобщего настроения, второе стихотворение очень личное, негромкое, обращенное к единственному, самому близкому человеку, и в то же время — вот истинная сила поэзии — прозвучавшее громче грохота боя в траншеях переднего края.

Чистота и ясность, предельная экономность поэтических средств в этих стихах давно оценены временем.

В послевоенной лирике Суркова расширяется «география» его поэзии, появляется много стихов о далеких странах и о людях этих стран. И всюду он остается солдатом революции; в пору холодной войны он борется средствами поэзии за мир для людей во всем мире.

В самых простых и обычных фактах он находит поэтические образы для утверждения силы интернационального братства людей, выступающих за мир.

Так случилось, хотя бы в прекрасной короткой и весьма динамичной балладе «Шап-

ка по кругу», с ее повторяющимся энергичным рефреном — словами, услышанными на рабочем митинге при сборе средств для дела мира.

Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапка по кругу!
Шапку по кругу!

Или, например, стихи «Письмо вьетнамскому другу», посвященное Нгуену Динь Тхи — замечательному поэту и человеку Вьетнама. Это письмо я прочел с особенным вниманием потому, что я знаком с Нгуеном Динь Тхи. Мне посчастливилось познакомиться с ним в Ханое. Мой ровесник, легкий, подвижный, с открытой улыбкой, он очень популярен у себя на родине. Стихи его рождались на полях двух больших войн, в которых ему пришлось участвовать, он сражался и при Дьенбьенфу. городе, ставшем символом освобождения Северного Вьетнама.

Сурков обратился к своему вьетнамскому собрату с проникновенным словом. Слово это продиктовано личной судьбой поэта, но в стихотворении присутствует судьба всех, кто с оружием в руках боролся за правое дело. И потому стихи, в которых звучат непреложность веры и убежденность бойца, познавшие

го законы и исход социальных битв, оказались пророческими:

Нам знаком этот свист убивающей стали,
Ветер смерти, рожденный в горячем стволе.
Мы все это, мой друг — побратим, испытали
Столько раз у себя на советской земле...
Солнце мира пробрезжит над страшными снами,
Кровь отхлынет, вернется в поля тишина.
Не бывал я ни разу в твоём Вьетнаме,
Но душа моя верой в победу полна.

О чем бы ни писал поэт, какие бы темы ни поднимал он, его стихи всегда узнаешь по характерной сурковской мечте — глубоко личному ощущению мира с его неповторимыми чертами и красками. Солдат четырех войн, он страстно желает мира всем простым людям, где бы они ни жили. Вот прочитайте:

За отмелью сухой песок,
К сосне сосна, к игле — игла.
Здесь сладкий вересковый сок
Пьет хлопотливая пчела.
Здесь чайки белое крыло
Едва касается волны
И солнышко в зенит вошло,
Паля лучами с вышины.
И двое юных над водой
Идут на юг, рука в руке,
И радости их молодой
Волюшка вторит вдалеке.

Это стихи о Шотландии. Ничего, казалось бы, особенного нет в этой графически четкой простой картине обычного счастья влюбленных. И в то же время легкой шемящей грустью пронизывает нас — то ли оттого, что поэт говорит о далеком побережье с такой теплотой, как если бы это была родная российская деревенская околица, то ли потому, что поэт смотрит на юных влюбленных, как бы вспоминая свою молодость.

Вышедшую не так давно одну из новых книг Алексей Сурков назвал «Что такое счастье?». Односложно на этот вопрос книга не отвечает. Да на этот вопрос и не может быть односложного ответа. Мужество и любовь, убежденность и доброта не приходят свыше, как озарение. На этот вопрос со всей полнотой отвечает весь большой поэтический опыт одного из старейших советских поэтов, стоявшего у истоков советской поэзии и продолжающего плодотворно работать в ней.

Счастье — жить такой творческой жизнью, какой живет Сурков, начиная с трудовой героической революционной юности, которую не раз воскрешает он в своей поэзии.

Счастье — любить людей и бороться за торжество правды, бороться за мир во всем мире.

Счастье — быть солдатом революции в советской поэзии вот уже полвека и дарить ей произведения, которые новая юность впервые услышала от своих отцов и дедов — солдат великой войны — и потому считает эти произведения народными. И она права!

МИХАИЛ ДУДИН

Это было давно. Мне кажется, что это было вчера. Закончилась вторая мировая война. Шел год победы. Солдаты возвращались по домам. Они принесли с собой все, чего не было на земле четыре долгих года. Будущее было полно надежд, в нем не было тревог. Никто не боялся войны, с ней было покончено. Дни несли встречи. Люди сходились легко и просто. Доверие возникало сразу.

Пехота. Артиллерия. Летчики. А, наш брат танкист! Одним словом — солдат. За нас! Иных доказательств не требовалось, а эти были известны и изучены не по анкетам или рассказам. И их не надо было выкладывать на стол по мелочам. Думали только о будущем. Что будем делать?

С Михаилом Дудиным я встретился так же, как со многими. Он ничем не отличался от них. Только тем, что писал стихи, был поэтом. Свел меня с ним поэт Борис Лихарев, к которому я пришел с тетрадкой своих стихов. Лихарев был старым солдатом, прошел

две войны и редактировал журнал «Ленинград».

Потев от страха и смущения, я сидел перед ним в редакторском кабинете и ждал, что он скажет о стихах. Я очень хотел, чтобы он их похвалил. Он прочел, сунул тетрадку себе в карман и ни слова не сказал о ней, только еще раз оглядел меня.

Я сидел почти по Блоку: «в шинелишке солдатской с физиономией дурацкой».

— Тебе, конечно, нужны деньги, — сказал Лихарев. — Завтра придешь в редакцию. Кроме того, завтра придет поэт Михаил Дудин, он тоже солдат. Вам надо обязательно познакомиться.

Михаил Дудин, так же как Лихарев, прочитав мои стихи, не стал говорить о них со мной. «Что будем делать?» — спросил меня он, а может, не спрашивал. Не помню: это было давно. Он только подумал, что делать дальше, и отнес тетрадку в издательство, и стал редактором моей первой книги. Такое было время. Мы были молоды и знали все друг о друге, хотя виделись первый раз.

С тех пор утекло много воды. Одни люди изменились, стали непохожими на тех, какими они были сразу после войны. Одни стали хуже, другие стали лучше, но есть такие,

с которыми время ничего не могло поделаться. Они остались такими же, какими были тогда, вышедшими из пламени великой войны.

Так бывает с хвойными деревьями, выросшими на берегу моря под вьюжными ветрами. Их не сломали, не согнули бури, когда деревья были молодыми; приди к ним через много лет, и ты увидишь, что они не изменились, лишь заматерели, потемнели, стали крепче, корни их глубже ушли в почву, зарылись в ней.

Так бывает и с людьми, с поэтами. Мне по душе такие поэты. Конечно, деревья не поэты. Судьбы поэтов можно лишь сравнивать с ними, потому что они всегда на виду, открытые ветрам и взорам, вечнозеленые, чем похожие одно на другое.

Как формируется поэт, что оказывает на его творческую судьбу решающее воздействие, знать интересно каждому, кто любит стихи, поэзию, поэтов. И на это как будто бы есть уже готовый ответ: разумеется, сама жизнь, время формируют поэтов. Солнце, дожди, ветры, бури и почва. Да и поэт всем своим творчеством как бы отвечает на эти вопросы, ничего не скрывая от читателя.

Михаил Дудин дает в одном стихотворении предельно краткий и ясный ответ.

«Мне время тоже диктовало свою судьбу, свою строку. Оно свои дарило песни и после боя свой привал и говорило мне: воскресни, когда я глаз не поднимал».

Что может быть короче этого ответа. Время формировало поэта. Время, грозное, тревожное, наполненное событиями, в которых участвуют миллионы людей, державы и континенты; день сегодняшний, приведший в движение историю веков вчерашних, время грандиозного строительства и смертельных боев на полях сражений, раскинувшихся на тысячи километров от моря и до моря, время мирных созидательных будней с тихими рассветами и закатами, на которых зреют хлеба, поют под ветром бескрайние леса и травы.

Но не зря поэт подчеркивает, что время диктовало ему свою судьбу, свою строку, свою песню, свой привал.

Свою — значит, отличающуюся от других песен, судеб и строк; песню, непохожую на другие ни мелодией, ни интонацией; строку, отличающуюся от строк других поэтов не только содержанием, но и строем слов, музыкой, окраской, метафорами, эпитетами, сравнениями; и даже свой привал у костра на снегу или на зеленой поляне со своими невыска-

занными раздумьями, с молчанием, наполненным своей особой тишиной.

Только своя строка, своя песня, несхожая с другими, имеет право на жизнь в такой могучей поэзии, какой является наша русская поэзия.

Время врывается в стихи одних поэтов громогласно со всеми яркими приметами, почти даже не оставляет места в стихах для личности поэта.

В поэзии Михаила Дудина время звучит чаще всего не как прямое отражение событий, с отстраненной объективностью; оно, переплавленное, принимает форму необычную и живет в виде исповеди, активно сопряженное с личными движениями души поэта. Облик времени при этом проявляется не столько как зримая, точно нарисованная картина, он обретает себя в стихах Дудина в той тревожной драматичной, или радостной праздничной, или суровой сдержанной атмосфере самого стиха.

При этом поэзия Дудина всегда остается весьма традиционной, он не ищет для выражения времени новых, не виданных до него форм, наоборот, он даже подчеркивает свою приверженность традиции тем, что берет для этого даже такие традиционные и, кажется, уже отжившие формы, как венок сонетов.

Однако мир, открывающийся в этих традиционных берегах, нов, свеж, отличен от мира других. И именно это свое неповторимое виденье и ощущение мира в стихах Дудина и обратило на себя внимание и выделило его стихи в дни, когда испытание на зрелость и жизнестойкость выпало на долю не только отдельных людей, но и на всю нашу Родину, когда стихотворцы стали в один строй, словом и делом защищая наше Советское Отечество.

После зимней военной кампании 1939 года поэт Николай Семенович Тихонов получил по почте в Ленинграде тетрадь стихов от Михаила Дудина. В стихах были война, мороз, смерть на снегу. Написаны стихи были крепко и уверенно, с той точностью, которая происходит от желания сказать выстраданную правду, по необходимости продиктованную талантом и переполненностью сердца и души.

Тихонов ответил на письмо тотчас же. Он пригласил Дудина зайти в редакцию журнала «Звезда». Но Дудин зайти в редакцию не мог, хотя и был близко от Ленинграда. Он был разведчиком полевой батареи на полуострове Ханко. Журнал «Звезда» напечатал большую подборку прекрасных стихов, открыв для читателя нового поэта — Михаила Дудина.

В критике принято утверждать, когда говорится о поэтах военного поколения, что их сделала поэтами война. Но это не совсем так. Поэтами рождаются и становятся вопреки войне, а не с помощью ее. Но вера в жизнь и любовь к ней приобретают особую силу, выразительность на контрастном фоне смертельного пламени народной справедливой войны. Дудин выпустил свою первую книгу до того, как стал солдатом.

И на стихи есть тоже мода,
И у стихов — свои дела.
Сама любовь, сама природа
Меня в поэзию вела

Она называлась «Ливень» и вышла в городе Иванове в областном книжном издательстве в 1938 году. Это были юношеские стихи.

С войны Николаю Семеновичу Тихонову прислал стихи мужчина. Холод и пламя войны не погасили в нем света, рожденного красотой земли родного Ивановского края и книгами великих русских поэтов, прочитанными в сельской школе, в фабзавуче и на рабфаке. Этот свет загорелся ярче, уверенней, хотя Дудин стал писать о другом и по-другому.

Судьбы тяжелой бремя
Нас сделало поэтами. Не время
Раздумывать. Не кончена война.
Она не ждет. Не замедляй с ответом
Она меня крестила быть поэтом,
Скупым и расточительным...

Солдатскую шинель ему так и не пришлось снять после той зимы. Грянул 1941 год. Дивизия, в которой он служил, вступила в бой с первого дня войны. Она сражалась на полуострове Ханко. Ханковцы не только не отступали, но и сами вели наступление, захватив с боями несколько островов. Им много раз предлагали сдаться. Ведь на Большой земле враг глубоко вклинился на нашу территорию, его дивизии стояли в пригородах Ленинграда. В ответ ханковцы написали главнокомандующему войсками противника барону Манергейму неофициальное письмо. Вы все, конечно, знаете картину художника Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Письмо запорожцев тоже известно. Это блистательный образец лихого, воинского юмора, обнародовать который полностью мог только художник, изобразив запорожцев, сочиняющих эту уникальную дипломатическую ноту. Потомки запорожцев на Ханко не лезли за острым словом в карман. Письмо их по силе слова и кре-

ности духа ничуть не уступало вышеупомянутому документу.

Его написал Михаил Дудин, товарищ Михаила — художник Борис Пророков оформил гравюрами, однополчане одобрили текст, и летчики доставили его на самолетах адресату во время боевого вылета.

Работа в армейской и фронтовой печати, в которой перо было приравнено к штыку буквально, — во фронтовых газетах была даже такая должность — писатель, во многом осталась на страницах подшивок этих газет и не вошла в последующие книги поэта. Но она сослужила свою солдатскую службу пафосом, юмором, шуткой, злой сатирой. В годы войны вышла книга стихов Михаила Дудина «Фляга». Это была действительно солдатская фляга. Те, кто ходил в походном строю, знают, что это такое. Фляга нужна, как оружие. Когда нету никаких сил, а жажда свела глотку, так что не передохнуть, надо снять ее с пояса, отвинтить алюминиевый колпачок, осторожно качнуть, чтобы определить, сколько в ней осталось влаги, и сделать глоток или два, а потом можно идти дальше.

А в свирепый мороз в нее наливают отсчитанную по капле старшиной водку, но лучше всего — спирт.

Такой флягой была книга стихов Дудина, вышедшая в сорок третьем году в Ленинграде. В ней была ключевая, прохладная, утоляющая жажду в походе лирика и свирепый, обжигающий спирт раздумий.

В книгу вошло стихотворение «Соловьи». Оно было напечатано ранее в газете «Комсомольская правда». Солдаты в те дни переписывали его для себя.

Поэзия — область души человеческой, вне ее нет поэзии. В стихотворении живет, бьется, исповедуется и клянется в верности долгу перед лицом сущего душа человеческая, вечно молодая.

Стихотворение рождает воспоминание не только картин виденных, запомнившихся, но и вводит человека, никогда не переживавшего ничего похожего на то, о чем написаны стихи, в далекий рассвет трехсотпятидесятого дня войны. Рассвет, говорят, несет надежды, но это были рассветы, на которых люди прощались с жизнью.

То, что этот рассвет трехсотпятидесятый, как подчеркнуто, точно сообщается поэтом, делает его неповторимым — ведь на нем прощаются с товарищем, который унес с собой целый мир любви, счастья и открытий, и никто другой уже не осуществит их. То, что этот

рассвет трехсотпятидесятый, ставит его жестокой неумолимой правдой числа в ряд рассветов, которые надо встречать совсем не как праздник надежды.

Обветренные скулы сведены.
Трехсотпятидесятый день войны.

И на этом рассвете, где, несмотря на смерть, встает солнце, творится чудо весны, доступное всем, рожденным жить.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.
Еще минута — задымит сирень
Клубами фиолетового дыма...

Когда цветут ландыши, сирень не цветет. Но так сместилось время, текущее медленно, тягуче, как песок, и вместе с тем пролетающее мгновенно.

В те дни, по словам поэта, «безжалостно размашисто, как выстрел, горел и рассыпался человек...» мера всего на земле.

В балладе «Соловьи» — сто строк. Не много для исповеди и раздумий о прожитой жизни, о главном в ней. Яркие красочные картины весеннего мира рождений перебиваются

порывистыми, как дыхание, строками о жизни человеческой, о любви и счастье, а те в свою очередь сменяются строками, рисующими последние мгновения умирающего солдата и мира, в котором «...где-то рядом-рядом раскидан настороженный уют тяжелым громыхающим снарядом».

Прямота и бесстрашие последних строк стихотворения продиктованы бескрайней весной, землей, опутанной колючей проволокой, биением сердец под солдатскими шинелями, счастьем грядущего мира:

Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

Сто строк поэзии, как удары сердца, следующие одна за другой в напряженном ритме, заставляют многое прочувствовать и передумать.

Это стихотворение было написано в трехсотпятидесятый день войны. С тех пор оно стало хрестоматийным, и ни один антологический сборник, характеризующий нашу советскую поэзию за всю ее более чем полувековую историю, не выходит без баллады Дудина «Соловьи». Ее переиздают так же, как когда-то солдаты переписывали друг у друга.

Чтобы перекричать самую грозу, поэзия в

те годы училась словам простым и негромким. Хлеб, дом, мать, береза, любимая — они; эти слова, были слышны в любую артподготовку, их не надо было кричать, напрягая голос, но за ними вставала беспредельная Родина, на просторах которой даже эхо грома терялось, не долетая до ближнего горизонта.

Новое слово, сказанное Михаилом Дудиным, было не единственно новым словом в советской поэзии.

Во время войны с подлинной силой и страстью зазвучали голоса многих поэтов. Это были голоса пехотинцев, летчиков, десантников, танкистов, артиллеристов — солдат великой армии, шедшей по земле с боями к победе. Надо ли подчеркивать близость их поэзии к народу. Они были не только авторами стихов, но и героями их и читателями. (И когда кончилась война, они быстро пашли друг друга. Их объединяла одна дорога, а познакомила и подружила их поэзия.) Есть такая формула — скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Круг товарищества — это большое богатство.

Я не могу не вспомнить о начале одной большой части этого круга. В 1947 году Союз писателей и ЦК комсомола созвали первое послевоенное совещание молодых писателей.

Съехались на это совещание молодые поэты и прозаики со всей страны. Гимнастерки и военные кители еще не были сняты вчерашними солдатами.

В этой шумной и напористой делегации будущего нашей литературы, заполнявшей коридоры и кабинеты ЦК комсомола, большинство привезло только рукописи, им еще предстояло напечататься. Дудин был из тех, кто уже печатался и известен по стихам. К нему шли знакомиться. «Ты — Дудин? Здравствуй! Я такой-то». Гудзенко, Недогопов, Тушнова, Луконин, Наровчатов, Межиров, Максимов, Субботин, Друнина, Соболев, Львов. Круг товарищества, который сложился на этой первой послевоенной встрече, не распался. Дружба стала творческой.

Познакомившись на совещании с Мустаем Каримом, Дудин вскоре уехал к нему в башкирские степи и стал переводить его стихи на русский язык. Время тогда было трудное. Мустаи делил с ним скудный хлеб башкирской деревни, а Дудин не жалел души, чтобы как можно лучше перевести стихи друга.

Потом у него родятся свои стихи о Башкирии — книга «В степях Салавата». Говорят, для того чтобы лучше узнать поэта, надо побывать на его родине. Дудин ездит на родину

своего друга поэта, для того чтобы лучше узнать его.

Горскую поэму о Ленине великолепного и мудрого Кайсына Кулиева он переводил в Кабардино-Балкарии, предварительно поездив с ним по горам и аулам.

О друзьях Михаила Дудина, поэтах военного поколения, стоит и можно говорить много не только потому, что они очень разные, не похожие друг на друга поэты, а еще и потому, что есть в этом братском кругу хорошее качество — равенство друг на друга, когда дело доходит до определения идейных позиций в поэзии, и есть высокое чувство ответственности перед теми сверстниками, которые не писали стихов, но делали одно общее дело с ними — били фашистов.

Им надо было рассказать о том, что переполняло сердце за четыре вечности, за четыре года Великой Отечественной войны, рассказать за себя и за тех, кто не вернулся...

Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих,
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил.
Чтоб он вошел как равный в честный круг
Моих друзей.

Верность данному обязательству, верность себе подтверждается творчеством Михаила Дудина. Сразу же после окончания войны, в 1946 году, он пишет поэму «Вчера была война». Поэму о самом живом и больном для него в то время. О возвращении солдат к миру и счастью и столкновении с миром.

Не так уж все оказалось в нем гладко и просто. Конфликты не надо было разыскивать, они сами стучались в сердца. В завоеванном мире оказались сломанные судьбы и зло, с которым надо было бороться.

Мужество, обретенное в окопах, пригодилось и в новой мирной творческой жизни. И когда в 1967 году в издательстве «Художественная литература» вышел двухтомник произведений поэта, в который вошли стихи и поэмы — лучшее из написанного за тридцать лет, Николай Семенович Тихонов написал в предисловии:

«Эта книга говорит честно и страстно о большой широкой жизни, о сильном мужественном человеке, строящем будущее мира, книга хорошего, веселого, стремящегося к высотам духа искателя, солдата, поэта!»

Мир больших чувств, сопряженных с большими событиями времени, непреложная верность избранным принципам раскрывают-

ся в поэзии чистой, правдивой и страстной.

Герои стихов Дудина близки и понятны читателю отнюдь не потому, что он опрощает их, а потому, что эмоциональный мир его героев, сложный и многообразный, близок миру читателя в силу их биографий, избранных ими дорог.

Круг героев стихов определен жизнью невыдуманной и неповторимой, и не надо даже обращаться к традициям нашей поэзии, вспоминать Некрасова и его любимых героинь — русских женщин, чтобы понять, почему в творчестве Михаила Дудина женщина-мать так же любовно, с истинной искренностью воспета и запечатлена.

Поэма «Хозяйка» — одна из лучших поэм в послевоенной советской поэзии — очень небольшая по объему, рисует характер сильной в горе, терпеливой и строгой русской женщины-матери.

Героизм не очень подходящее слово для определения пути таких людей, как Пелагея Никитична, потому что сами они не любят громких слов, потому что иначе жить они не могут; но без этого слова не обойтись, когда хочешь сказать о них. Но поэзия с присущей ей силой сердечности и такта способна, не произнося громких слов, достойно поведать

о материнской доле, которую «вряд ли труднее сыскать».

...В спокойном и строгом обрамлении русской зимы где-то «за Владимирским трактом, в почти позабытых местах» нарисован поэтом портрет Пелагеи Никитичны — матери семерых сыновей, председательницы колхоза, хозяйки.

То ли зимний пейзаж среднерусской полосы уж очень под стать сединам и возрасту этой женщины, то ли картины тишины, в которой «о чем-то давнишнем задумался старый Владимир», тому способствуют, но верная интонация, взятая поэтом с первой строки, властью исповеди и раздумья заставляет слушать эту быль со все возрастающим чувством преклонения и гордости. А ведь у женщины

...Сыновей
Окаянная смерть сторожит.
Под Одессой в разведке
На mine взрывается третий,
Под Смоленском четвертый
С простреленным сердцем лежит.

И потому каждое ее движение, замеченное поэтом, становится важным, неповторимым, как будто через тысячеверстную мглу

разлуки всматривается солдат-фронтовик и видит ставшие такими дорогими и значительными мельчайшие черточки жизни народной, простой и обычной.

Вот ты встала с рассветом,
Едва озаривши окошки,
За водой с коромыслом
Прошла, не сгибая спины
Нащепала лучины,
Начистила на день картошки,
Засветила огонь
И поставила в печь чугуны.

Поэт находит для выражения чувств и силы Пелагеи Никитичны слова верные и правдивые в самом характере ее.

Скажи мне, откройся, откуда
Эта сила твоя,
Что всегда остается с тобой.

Вдохновение черпается в сильном народном характере, в явлениях его перед лицом испытаний, в буднях, в горе и в праздниках.

Есть у Дудина стихотворение «У меня не смертельная рана». Оно написано предельно просто. Из богатого изобразительного арсенала поэзии он, кажется, не взял ничего для него. Но в нем поэт ведет серьезный разговор

с тем, кто идет вслед за ним, с такой беспощадной откровенностью и прямоотой, которая, пожалуй, и продиктовала строгость и точность формы. Не все было хорошо и на нашем пути, но верность избранным принципам не позволяет прощать нам свои ошибки, и ты сам строгий судья себе. Отвечай за свое время сам. Так, пожалуй, можно выразить языком прозы главную мысль этого чистого, душевно-открытого стихотворения.

В «Песне Вороньей горе» — эта гора в дни блокады Ленинграда стала одной из вершин солдатского подвига на пути к победе — недаром поэт говорит:

Я листаю года. Я считаю события и сроки.
Для души моей стала вершиной Воронья гора.

Иногда в поэтических книгах Дудина на титульном листе стоят даты. Но даже если бы они не были поставлены, читатель почувствует по стихам, что они написаны именно в эти годы.

Нет, не приметы времени, которые точно обозначают календарь событий и характеристику дня, определяют границы написанного поэтом, а сама позиция его, широкий диапазон видения, высота духа, с вершин которого остросовременное ощущение мира

и внутреннее чувство ответственности за его судьбу, ставшее осознанной тревогой, дают возможность точно определить, «какое, милые, сейчас тысячелетье на дворе».

Так удивительно цельна большая по объему и разнообразная по обилию тем, циклов, географических горизонтов новая работа поэта, названная им «Время».

Тихие закаты и рассветы Среднерусской возвышенности соседствуют в ней с океанскими штормами, бушующими у берегов Южной Америки. Псковские леса и равнины оказываются рядом с выжженными чилийскими пустынями. Чистильщик сапог из Сант-Яго и певец с острова Пасхи оказываются земляками с крестьянами русских деревень и великим поэтом Пушкиным. Нет, я не оговорился, назвав их земляками.

Мир, огромный и разнообразный, предстает единым и единственным, прочно сплавленным внутренними связями, которые нервно и точно определены поэтом.

Мир на страницах книги создает мастер, обретший силу не только в свободном образном мышлении и в ясности философского охвата событий и картин времени. Он ощущает его в новой неповторимой конкретности так же молодо и свежо, как когда-то юный офицер

Дудин знал передний край великой войны от солдатской землянки до блиндажей больших штабов. От шуршанья песка в траншеях и свиста, одинокой пули до громовых обвалов, окутывающих землю на многие десятки километров. Мир, полный драматизма и огромной веры в жизнь.

В новой книге талант Дудина обрел не только новую масштабность, он стал в стихах мерой той правды, которая отмечена драматизмом сути изображаемого мира, в котором даже существующая извечно гармония человека с природой поставлена под угрозу реальным ходом событий, запечатленных в движении.

Просто я не могу по-иному
Жить заботами этого дня.
Нестерпимая жалость к живому
Все сильней заполняет меня.

Пепел Хиросимы, развеянный ветром событий по всему земному шару, сквозь который грядущее смотрится в зловещем его свете, в мире, где, по словам поэта, «пророкам гибели легко — им ошибиться трудно», не так-то просто обрести мужество.

Вот почему с пронзительностью горниста, трубящего сбор и тревогу, звучит голос поэта.

Вот почему ритмы книги тревожны и мобилизующи. Пожалуй, наиболее высокой нотой книги является «Песня дальней дороги». По жанру — это монолог, но, учитывая современное отношение к конструкции больших полотен, может быть, это поэма. Поэт назвал свое произведение песней.

«Песня дальней дороги» — произведение необычное, в нем фантастика переплетается с реальностью столь естественно, что реальное становится фантастическим и фантастическое обретает плоть и силу реалистических обобщений.

Начинается песня с дороги, как и сказано в самом названии.

В коридоре мальчик плачет,
Тихо девочка поет.
В карты режутся соседи.
И не черен и не сед,
Весь запас домашней снеди
Разложил для всех сосед.

Поезд, идущий с пассажирами, подробности дорожного быта, смена картин за окнами — все это обычно и знакомо, но поезд оказывается бесконечно длинен, и идет он через все земные континенты и даже моря.

Более того, путешествие происходит не только в пространстве, но и во времени, сразу в двух измерениях.

Таково свойство лирической поэзии. Силою, данной ей, неоглядное пространство концентрируется в одной емкости, которая суть душа человеческая, а времена, давно прошедшие, и само будущее существует вполне реально и зримо в одном времени, в настоящем, в сегодняшнем дне.

Это придает «Песне дальней дороги», казалось бы, произведению бессюжетному, повествовательному, динамику и драматизм присущий в основном произведениям остросюжетным.

То, о чем сказано в стихотворной формуле:

Мир расколот.
Я расколот.
Два Вьетнама на душе,
Два Китая,
Две Кореи,
Две Америки в груди, —

могло бы остаться декларацией, если бы поэзия не осветила при этом душу человеческую, если бы не открыла в ней сочетания конкретных явлений, картин и переживаний, сомне-

нии и веры. И приведенные выше строки в тексте поэмы становятся не только образом, а живым, раскрытым настежь бытием человеческим на планете Земля. Об этой Земле человек говорит:

Я ее копал и рушил.
Плугом резал.
Песни пел.
Я свою земную душу
Всем раздаривать умел.
Потому что сила силе
Поднялась навстречу вся.
Потому что я в России
Русским парнем родился.

Оптимизм «Песни дальней дороги» никак нельзя назвать бодряческим. Он не привнесен извне, трудный, опирающийся не только на личную веру, не только на большой личный жизненный опыт, но на веру и опыт пути, пройденного с великим народом через неслыханные огненные испытания к вершинам победы, он обретает жизнестойкость именно в нем.

Этот оптимизм вообще характерен для поэта Михаила Дудина, ибо страницы его книг, наполненные страстями и светом времени, обращены в будущее.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Однажды осенью летчик авиалинии Баку — Ереван сделал мне царский подарок. Сделал он это легко и просто. Я вместе с немногими пассажирами сел на рассвете в самолет и задремал, несмотря на великолепные горы внизу. Очевидно, часа через полтора меня тронул за плечо широкой ладонью немолодой, тоже невыспавшийся, но тщательно выбритый летчик:

— Товарищ, через пять минут слева будет Севан! — и ушел к себе.

Ровно через пять минут я увидел слева под крылом чудо. Между оранжевых, как бы присыпанных сизым пеплом гор внизу стояло небо. Оно вспыхивало золотом и слепило живой густой синевой в тонкой оправе белой береговой полосы, видимое разом от края и до края. Севан принадлежит всем и никому, но щедрое зрелище это останется в моей памяти навсегда, и только летчик, человек своей профессии, мог подарить мне его.

Так дарит мир незнакомому человеку, читателю, и поэт. У него свои небо, высота и земля под крылом. С ним можно отправиться в любое путешествие. Даже знакомые с детства места покажутся тебе в этом путешествии иными, новыми, — все зависит от высоты, от угла зрения.

Вот у меня в руках томик стихов. На суперобложке — зеленые, желтые квадраты и косые, чуть дрогнувшие линии. Все это похоже на цветные пятна полей, лесов, линии дорог. Книжка называется «Приглашение к путешествию», ее написал поэт Александр Прокофьев. В его стихах шумят кронами мачтовые сосны, метут белой метелью майские черемухи, горят костры рябин, машут в непогоду снежными платочками волны Ладоги, рыбацкие паруса срезают зарю и ветер, до самого неба стрелами летят солнечные просеки, по вечерам выбегают на пригорки сто тысяч гармоник, и живут у озер и рек бойкие солдаты войны и мира — пахари, рыбаки, и звучит добрая русская речь, бойкая и озорная, цветастая и напевная, такая, что не занимать статью!

Стихи поэта я храню в памяти еще с мальчишеских лет. Одни и те же звезды светились по ночам на дне знакомых озер. Ветер, приле-

тавший с Ладоги, осыпал цвет черемух в моем родном селе Мегра. С таким же названием есть село и на Ладогге. И, может, поэтому так велико было мое удивление перед миром, который раскрылся в прокофьевских стихах, перед таким знакомым, близким и вместе с тем новым, невиданным. Краски в нем получили точные названия, их можно было взять в руки:

У Ладоги и камень,
И синий-синий шелк;
Он серебрит сигаги
И золотит ершом.

...Мне доводилось видеть на Западе выставки художников-абстракционистов. Они предлагают зрителю свой мир, принадлежащий только им, и такого действительно не увидишь нигде, разве лишь на соседних полотнах (кстати сказать, до чего же похожи эти субъективистские полотна одно на другое!). Я долго ходил по залам, транжиря время, дорогое в кратких поездках, потому что мне хотелось хоть немного понять, почувствовать выставленное, ведь художники дарили свое, неповторимое. И все-таки я ушел ни с чем. Нельзя подарить то, что никому не нужно, то, что не принадлежит всем. Можно, ко-

нечно, всучить, но радости от такого подарка не будет.

Благодаря поездке, о которой я писал в начале статьи, мне посчастливилось побывать у народного художника Армении Мартироса Сарьяна.

В деревянном двухэтажном доме, окруженном деревьями и высокими многоэтажными корпусами нового Еревана, нас встретил седой человек в синем сатиновом халате—спецодежде. У него резкие черты лица и молодые, совсем не по возрасту, глаза. Он похож на обожженного солнцем старого крестьянина. Здесь всегда принимают гостей, когда хозяин свободен. В мастерской не видно стен — так плотно они завешаны картинами, даже весь пол устлан ими. Только узенькие проходы, как тропинки среди скал, деревьев, цветов и неба. Два часа мы путешествовали по Армении, не выходя из мастерской. Удивительно, каким образом смог Сарьян выплеснуть на холсты и закрепить на них свет и краски своей страны. Теперь для меня краски Сарьяна — это Армения и, наоборот, краски Армении — это Сарьян.

Сейчас, думая о Прокофьеве, я не могу не вспомнить о Сарьяне. Эти два художника, два поэта различны. Они отличаются друг от

друга тем, чем отличаются Русский Север от солнечной долины Арарата, но это различие вовсе не делает их далекими друг от друга. Наоборот. Они оба умеют дарить людям то, что не принадлежит только им, дарить щедро и навсегда, потому что оба плотью и духом своих талантов принадлежат родным краям, своей земле, деревьям, цветам, песням, озерам, людям.

В книжке стихов поэта Александра Прокофьева около двухсот стихотворений — щедрость воистину завидная. Но это не щедрость пустого краснобайства, присущего эпигонам, которые могут писать стихи километрами (благо пишется!), писать, не ограничивая себя (благо печатают!).

Многие стихи в книжке очень короткие — по 8—12 строчек. Они, как волны, следуют одно за другим, отформованные в своей законченности от начала до гребня, как волны, сила которых измеряется не стандартной мерой — сантиметрами или метрами, а силой накала чувства, заключенного в них, силой мысли и света. Озеро, зачерпнутое в пригоршню, чистотой и прохладой может утолить жажду одного человека, но оно никогда не даст представления об огромном цветном просторе. Его уже не назовешь озером. Оно даже не может

стать волной. Волна не родится одна.

Почитайте стихи в книжке подряд один за другим — и вы почувствуете, как идут эти волны, прозрачные, почти хрустальные, неся на себе краски мира, то синие, то алые, то зеленые, неся с собой запахи земли и неба, идут, рожденные ветром вдохновения, одна за другой, открывая простор, сияющий всеми цветами земной радуги.

В книжке восемь разделов: «Признание в любви», «Земля отцов», «На ста островах», «Четыре времени года», «Красный День», «Разговор по душам», «У соседей» и «Про Галю-Галинку». Характерно, что самый небольшой раздел книги — это раздел стихов о загранице. Он так и называется «У соседей». В нем всего шесть коротких стихотворений. А ведь мог бы, наверное, поэт о загранице написать и больше — ездил, бывал, видел, знает! Границы взволнованности, границы знания соседней страны, короче говоря, писательская честность не позволяли ему сделать это.

Поэт увидел в соседней стране главное — вечнозеленую, как ветка, душу нового человека, который не хочет враждовать со своим великим соседом, а жаждет в мире растить своих сыновей. И у него родилось стихотворе-

ние, короткое и чистое, как восклицание; как радостный выдох:

Что из всей Финляндии осталось:
У меня, как ветка, зеленеть?
«Эйла, Эйла!» — в сердце отозвалось
И тихонько стало в нем звенеть.

Ну и слава богу, слава богу.
Ведь летит ко мне со всех сторон
Только: «Эйла, Эйла!» — всю дорогу,
Будто в мире нет других имен!

За исключением одного, все разделы книги посвящены родной стране, для которой Прокофьев не жалеет ярких красок и глубины поэтического дыхания. Родина, Россия, Русь — так издревле называли свою землю наши прадеды. С новой силой так называем ее и мы, читая его стихи. В неповторимых поэтических деталях и красках, присущих только его таланту, встает в книге Советская Русь.

Есть у поэта пристрастие к живым, самородным краскам, к таким, от которых на берегах становится ало, от которых даже воздух рдеет или делается вокруг белым-бело, так, что небесная синева исчезает.

Критики, анализируя творчество Прокофьева, называют его стихи национальными по форме, подчеркивая это как отличие. Прочтешь

такое и задумываешься: а, собственно говоря, какими же еще могли быть его стихи? Или уж мы так обеднели, раз это считается особенностью? Национальность — не отличие больших русских поэтов друг от друга, а общее у них. Без этого нельзя в русском языке слово сказать, чтобы оно было услышано на таких просторах, как наши, где одной заправки горючего не хватает самолету ТУ-104 пролететь из конца в конец. А с прокофьевскими стихами случается иногда такое, что они возвращаются в литературу как фольклор, записанный собирателем.

Мой дружок поэт Сергей Викулов собрал и издал в Вологде сборник вологодских частушек. В предисловии, цитируя одну из частушек, он воскликнул:

— Под этими стихами охотно подпишется большой, взыскательный поэт...

— Подписываюсь, — рассмеялся Прокофьев, к которому таким путем вернулись стихи из дальней вологодской деревни, вернулись спустя почти тридцать лет путешествия по свету.

Яркость красок и звонкость речи объясняются у Прокофьева радостным ощущением всего мира — от ракет, вторгнувшихся в Звездье, до ветки краснотала на подоконни-

ке. В жизни есть большие и малые радости, но большое не может жить без малого, если оно истинно и прекрасно.

А убери — и станет жизнь беднее
Без ветки краснотала на окне!

Но за весь огромный, радостный мир заплачено дорогой ценой крови друзей, и о них никогда не забывает поэт.

Мои друзья легли на сопках,
В долинах, что горят в цвету;
Моих друзей сжигали в топках...

А сказанное дальше после паузы, рожденной ритмом стиха, паузы, в которой звучит закон нашей великой борьбы, обжигает ясностью и правдой:

Но разве можно сжечь Мечту?

Умение так говорить присуще поэту во многих стихах. Когда это необходимо, строка вколачивается в стихотворение, как гвоздь, с одного удара: сначала чуть пристукнул, а потом вогнал с маху. За такой строкой всегда чувствуется жест решительный, широкий, точный. Плещется над крышей сельсовета полинялый от дождей и ветров флаг; звезды, сделанные руками человека, плывут по космическим орбитам; посреди скалы в лиловых

венках туч и белых венках молний вершат свои дела землепроходцы коммуны; зеленым, красным, синим — всеми цветами радуги полыхает мир. И есть в нем место отдельной березке, тоненькой, непохожей на другие, как и девчонке-стрекозе, от которой кому-то станет невмочь, хоть пиши стихи:

А черт возьми! На склоне лето,—
Кричат во ржи перепела...
А, черт! Опять девчонка эта
В июльской смуте проплыла.

Не проплыла, а просто мигом
Сбежала к речке под откос.
...А на кого упало иго
Ее тугих, разлетных кос?

Бывает, что и легкие, как солнечные нити, девичьи волосы падут нелегким игом — поэту дано так сказать, и если читатель залюбуется и красками, заслушается музыкой русской речи, значит, его «поэзия коснулась властью, ей присущей лишь одной».

Истинная поэзия никогда не бывает пустой фигурой, даже в риторическом восклицании ее голос живой жизни:

Нам кое-что простит эпоха,
Отлюбит с нами, отгрустит.
Но что Россию знаем плохо,
То уж, наверно, не простит!

Посмотрит строгими глазами
И спросит, может, на ходу:
— Ну, что вы видели в Рязани,
Ну... все равно в каком году?

Освещенный любовью поэта, открывается мир на страницах книги. Мне хочется закончить статью обращением к читателю, взявшему в руки этот томик, чуть перефразировав слова летчика с авиалинии, которая проходит над озером Севан:

— Товарищ, сейчас оно будет под крылом!

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

...Одно я знаю бесспорно: наше поколение бывших фронтовиков могло бы быть более многочисленным. Даже те стихи, которые удалось найти, собрать и издать уже спустя много лет после войны, славное и горестное свидетельство того, сколько талантливых молодых людей, которые могли бы обогатить и украсить своим творчеством нашу литературную ниву, пали смертью храбрых рядом с бесчисленными ровесниками, защищая Родину, добывая победу.

Те из людей, одаренных поэтическим талантом, которым посчастливилось остаться в живых, по словам Мустая Карима, не могли разминуться в этом мире, они встретились в литературе.

Не могли мы в мире разминуться,
Если даже птицы в нем поют
И по песням звонким даже птицы
Друг о друге в мире узнают.

Впрочем, благодаря ЦК комсомола и Союзу писателей, встреча состоялась для многих еще до того, как они услышали песни друг друга. Это было весной 1947 года. Здание ЦК комсомола, его коридоры, кабинеты заполнили парни и девушки в шинелях и бушлатах со следами споротых погон, немногие были в штатском, в основном в штатском были москвичи, сумевшие как-то уже переобмундироваться.

В штатском был и Марк Максимов, приехавший из Омска, где он работал корреспондентом железнодорожной газеты «Гудок». И у него уже была книжка стихов, только что вышедшая в издательстве «Молодая гвардия».

Тоненькая, на газетной бумаге, в мягкой обложке, на которой партизан в папахе с лентой наискосок вздымал к небу клинок и был похож на партизана гражданской войны. Она называлась «Наследство». Но партизан с обложки был похож не только на героя гражданской войны, но и на автора книги, который недавно был политруком конной партизанской разведки.

Во всех нас, собранных на то памятное совещание, жила война, о которой мы не говорили при встречах, не предавались воспоми-

наниям о ней за кружкой пива, потому что она еще не кончилась, а продолжала грохотать взрывами, клубиться пламенем и дымом в стихотворных строках, написанных, пишущихся и еще не рожденных, но готовых родиться на белых листках бумаги.

Солдаты победоносной армии, принесшие в своих вещмешках и планшетах стихи, имели право, а с ним и возможность говорить о войне откровенно и беспощадно не только между собой, а со всеми, кто хотел слушать и читать их стихи.

Для нас не было вопроса, о чем писать и что писать. Умы занимал лишь вопрос — вечный для всех поэтов — как писать. Об этом и шли споры в кулуарах, на семинарах, ночами после семинаров. Всюду. И даже темперамент споров не зависел от обстановки: был ли это кабинет ЦК комсомола, в котором проходил семинар, или столик в московской забегаловке.

Разговор шел прямой и нелицеприятный, за недостаточным знанием литературоведческой терминологии иногда даже такой, что руководителям семинаров — поэтам старшего поколения — приходилось умерять пыл спорящих, требуя соблюдения формы. Наверное, Павлу Григорьевичу Антокольскому, руко-

водителю семинара, в котором был семинаристом и Марк Максимов, доставлял удовольствие не только смысл споров, но и то, как они велись, недаром он со смехом в глазах нарочито серьезно и грозно выговаривал спорщика за резкость выражений и окопную терминологию, тут же забывая об этом выговоре.

Марк Максимов читал свои стихи на одном из занятий семинара, предваряя почти каждое стихотворение коротким вступлением. «Вот тут я хотел сказать...» Хотя всем было ясно, что он хотел сказать из самих стихов куда больше, чем из его объяснений.

Для солдат регулярной армии, мало знавших о партизанской войне, стихи его, точные по слову, лаконичные по форме и образам, откровенные в раскрытии душевных чувств, были свежи еще и тем, что в них присутствовал быт партизанской войны, малознакомый им. Так меня — танкиста — поразило, что конь и клинок, который сверкал почти во всех стихах довоенной поры о гражданской войне, участвовали и в нашей войне. Что же касается самих стихов, то все сказанное в них было абсолютно точным, а чувство, которое запечатлел поэт, мгновенное и пронзительное, не было чем-то незнакомым. Вот одно такое стихотворение целиком:

Жен вспоминали
на привале,
друзей в бою.
И только мать
не то и вправду забывали,
не то — стеснялись вспоминать.
Но было,
что пред смертью самой,
видавший не один поход
седой рубака крикнет:
— Мама!..
...И под копыта упадет.

Мы слушали политрука конной партизанской разведки. И сабля, сверкнувшая в его стихах, напоминала о той далекой и, стало быть, отодвинутой, новой, только что отгремевшей войне, сабля восстанавливала, закрепляла связь времени, она звенела еще в тех песнях, которые мы пели в мирное время, готовясь защищать Родину.

И ничего нет удивительного в том, что еще перед войной Максимов написал пророческие стихи, которые нельзя назвать иным словом. хотя оно и громкое; написал эти пророческие стихи вплоть до подробностей, угадывающих судьбу многих. И в них говорится о сабле, об оружии отцов.

Романтическая баллада о Дубе, на коре которого партизаны гражданской войны вели

счет своих потерь, отмечая его ударом сабли, условна по сюжету. Когда, казалось бы, уже некому отплатить врагам за гибель партизана, привязанного к дубу, некому сделать горестную зарубку, взывающую к мести, немецкий офицер, — да именно немецкий, ведь немецкие войска оккупировали Украину во время гражданской войны, — поднимает клинок на партизана, последнего из шестерых, а партизан:

Он смотрел на штыки.

Кто придет?

Кто на дубе безлистном

Засечет его смерть? Только плюнул в глаза палачу.

Офицер покачнулся, клинок опустил со свистом...

Так заканчивается романтическая история из юности отцов, рассказанная в стихах поэтом, знавшим о той далекой войне по книгам да воспоминаниям старших, но за этими строчками следует еще одна строка, сказанная энергично и коротко, так, как мог сказать прежде всего солдат будущей Великой Отечественной войны, а потом уже стихотворец, впрочем, то и другое в данном случае оказалось неразделимым:

Есть на дубе зарубка, и я за нее отплачу.

В этой строке звучат уже почва и судьба, романтика на ней кончается. Это первое стихотворение Марка Максимова, опубликованное им в 1939 году в 4-й книге «Нового мира». Второе, стихотворение 1940 года, было напечатано в ленинградской «Звезде». Оно тоже — о партизанах гражданской войны и о сабле.

А эта сабля — все его наследство.
...И яблони у глиняной стены
узнали, подступая полукружьем.
как в дни боев рожденные сыны
берут в бои отцовское оружие.

Марк Максимов и в самом деле в том году уже держал в руках оружие. Он служил в Советской Армии. В Европе и Африке уже гремела война, и юноши военного призыва тех лет психологически были готовы к смертельной схватке с фашизмом. Они ощущали свою судьбу сознательно. Вспомните хотя бы стихи поэтов, павших на войне, из поколения, которому нынче пятьдесят лет. У всех у них уже были написаны в те предвоенные годы стихи, которые мы называем пророческими.

Я вспоминаю те годы не только потому, что по ним явственно можно представить

преемственность поколений, которой так сильно наше общество, но еще и потому, что для многих литераторов, в том числе и для Марка Максимова, идеалы юности отцов, совершивших революцию, не только не померкли после того, как на их долю выпали суровые испытания, но и в зрелых годах, в тех самых, когда лета к суровой прозе клонят, эти идеалы и герои, утверждавшие их в пламенные годы революции, стали еще ближе и понятней им.

И не случайно, а вполне закономерно первой прозой, написанной для театра и кино, у Марка Максимова стали пьеса и сценарий о героях гражданской войны и революции. Пьеса «Семья Бугровых» — эта пьеса о партизанах, действовавших в Сибири, в тылу у Колчака. Кинофильм «С подлинным верно», поставленный по сценарию М. Максимова, посвященный легендарному революционеру Камо, соратнику Владимира Ильича Ленина, ныне известен нашей молодежи. Максимов написал о Камо не только сценарий, ставший известным фильмом и вот уже более десяти лет не сходящим с экрана, а также повесть, которой, судя по всему, суждена долгая жизнь.

Вряд ли нужно теперь как-то дополни-

тельно характеризовать ее героя. Впрочем, наверное, имеет смысл предоставить слово самому автору. Верный своей главной теме преемственности подвига поколений, М. Максимов в предисловии к первому изданию этой повести так обращался к молодому читателю:

«Когда еще не родился Олег Кошевой и был совсем мальчонкой Сергей Лазо, когда еще октябрьская заря была далеко за горами, ходили по земле и зажигали эту зарю смелые люди. И был среди них рядовой солдат ленинской гвардии товарищ К. Петров, он же Иван Иванович, он же флигель-адъютант Гоги Дадиани, он же Шаншиашвили—крестьянин из деревни Дигоми, он же страховой агент Мирский, он же светлейший князь Дадешкелиани, он же рабочий Семен Савчук. А настоящее имя его было Семен Аршакович Тер-Петросян, но чаще всего его звали Камо...

Об этом герое я и хочу тебе рассказать. Я начал книгу со страниц о Кавказе не только потому, что товарищ Камо родом оттуда. Я вспомнил, как на Кавказе начинается утро. В горах не бывает долгих рассветов. Ночь. На темно-синем, почти черном южном небе горят звезды, большие и желтые, как перси-

ки на тбилисском базаре. И вдруг из-за горы выскакивает солнце. Орлы на скалах начинают чистить клювом перья, взлетают, и — сразу наступает день... Так вот ослепительно-яркая и короткая жизнь Камо очень похожа на стремительный горный рассвет, несущий людям новый день. Камо так заполнял свою партийную анкету:

Название организации, выдавший билет: Московская организация, Краснопресненский районный комитет.

Социальное положение: революционер.

Какие специальности знаете: революционер.

Время вступления в партию: 1901 год.

Подвергался ли репрессиям за партийную работу, когда, каким: арестован шесть раз, бежал три раза. Приговорен четыре раза к смертной казни с заменой двадцатью годами каторжных работ.

К последнему можно бы прибавить, что Камо был ранен пять раз — при побегах и в уличных боях; что арестовывали его в Берлине, в Софии, в Константинополе, в Харькове, в Тифлисе — при царе и при меньшевиках; что от одной из четырех смертных казней его спасла потрясающая по силе воли и актерскому умению симуляция безумия; от дру-

гой — пролетарская солидарность: выступления «Юманите» и немецких газет; от третьей — невероятный по смелости побег: прыжок из окна тюремной больницы в бурную Куру; от четвертой — революция... Видишь ли, все это так интересно, что я не побоялся кое-что рассказать наперед».

И еще: «Накануне своей гибели Камо пришел в комитет партии и горячо попросил: — Пошлите меня работать среди молодежи. И я буду воспитывать их по-революционному. Я подготовлю вам молодых стальных коммунистов».

«Мне бы очень хотелось, — заканчивает Максимов, — чтобы эта книга хоть немного помогла осуществиться мечте замечательного революционера: пусть Камо и сейчас, спустя десятилетия, помогает воспитывать молодежь».

Проза и драматургия поэта интересны не только в идейном смысле, они своеобразны по фактуре своей. Любовь к точно поставленному на место слову, яркая метафоричность, свойственная прежде всего поэзии, и образность в прозе и драматургии Максимова органичны и естественны: ведь поэт остается поэтом во всем, что бы он ни писал. И если в небольшой поэме «В краю молчания», на-

писанной еще в тылу врага, о том же самом, о чем повествует документальная проза, есть коротенькое объяснение того, как партизанская муза отвечала мыслям и чувствам людей в то грозное время:

Баян в окопе нашем так
на дне метался и стонал,
как будто шквалами атак
была земля потрясена,—

то это полностью относится и к документальной прозе Максимова.

Есть у поэта «Баллада о горящем сердце». Я помню, как он читал эти стихи тогда, в 1947-м, на упоминавшемся семинаре в ЦК комсомола. Но историю их я узнал лишь недавно. Она рассказана бывшим комбригом 1-го Гришинского соединения, ныне секретарем Смоленского обкома КПСС Н. И. Москвиным в книге «Партизанскими тропами», изданной в 1967 году «Московским рабочим».

«...Так героически погиб партизан-комсомолец, кровный брат по подвигу Александру Матросову. О подвиге Петра Галецкого были написаны стихи партизанским политруком Марком Максимовым:

«...И увидели трое, как бросился с миной
один под колеса цистерны. И — грохот! И —

зареве к тучам!.. А в окопах не знали, что это горит не бензин, а зажженное сердце ударило светом могучим... Только стала назавтра седой голова лесника. Кто не верит легендам, — безжалостной были поверьте; упомянут был Данко в тот день в оперсводке полка, а бессмертное сердце из теплой груди вожака все горит и спасает людей от позора и смерти!»

Эти строки, впервые опубликованные в партизанском рукописном журнале, после войны неоднократно печатались. Но еще в 1961 году в первом издании этой книги я с болью писал, что подвиг Петра Галецкого пока не дошел до современников, только стихи поэта-партизана запечатлели его. Но вот прошли годы, и я счастлив, что имею возможность внести в это место своей книги исправление: Указом от 8 мая 1965 года в честь двадцатилетия Победы советского народа над гитлеровской Германией Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Петру Галецкому звание Героя Советского Союза.

Надо полагать, партизанскому политруку приходилось брать в руки перо не только «для истории» (об этом он, конечно, думал меньше всего), но и под диктовку каждоднев-

ной боевой обстановки. Недаром об объеме его работы в соединении, как поэта, тот же, Москвин, комментируя одну из листовок в стихах, написанную Максимовым и подписанную: «Командование партизанского полка», говорит: «То, что командование партизанского полка разговаривает стихами, никому не казалось странным».

Но история, как мы только что еще раз убедились, памятлива. И интересно, что эпиграфами ко всем трем разделам книги Н. И. Москвина «Партизанскими тропами» взяты строки Максимова, высеченные ныне на граните или мраморе: первые — у памятника воинам-ополченцам в Москве, вторые — на обелиске, воздвигнутом в честь подвига гришинцев на Могилевщине, третьи — на мемориальной доске в Воронеже.

...У Александра Межирова есть стихотворение о двух бывших солдатах, посетивших летний военный лагерь. Двое в штатском идут мимо брезентовых палаток, невольно перейдя на строевой шаг и держа равнение:

Два товарища шли и равнение держали —
Два товарища юность свою уважали.

Эти строки хорошо объясняют то, почему Максимов остается верен своей теме и продолжает писать о партизанской юности.

Одно из широко известных стихотворений Максимова, написанное чуть ли не двадцать лет тому назад, прозвучавшее свежо и громко, сдетонировало в работе многих стихотворцев, написавших вслед за ним немало стихов о том же самом. Но стихотворение Максимова остается лучшим и наиболее современно звучащим. Оно посвящено памяти ровесника, совершившего ратный подвиг во имя Родины и отдавшего самое дорогое — жизнь за нее.

В то время, когда оно было написано, в Берлине был уже воздвигнут в Трептов-парке памятник советскому солдату-освободителю. Но по городам и весям Отечества над могилами солдат стояли все больше тихие столбики со звездами или деревянные обелиски.

Память о близких была свежа в безутешной горести, величие их подвига в днях мирных определилось контрастнее и глубже и нуждалось в выражении его не только в повседневных делах живых. Памятник в Трептов-парке стоял далеко в Берлине. Максимов написал о солдате на пьедестале. Бронза и мрамор пришли в движение, живые ду-

мы осенили непокрытую голову воина, который никогда не будет демобилизован.

С Волги экскаваторов рычанье
Долетает с ветерком низовым,
По домам ушли однополчане
Он один не демобилизован.

Тревогой живых и надеждами их наполнена в стихотворении слава павших во имя спасения мира на земле. Может быть, поэтому стихи стали так дороги всем, кто потерял своих близких на войне. Нет, недаром они отдали свои жизни, — их подвиг совершен не только во имя спасения того, что было и есть, но и во имя будущего, во имя того, чтобы никогда проклятая война не пришла на землю детей и внуков. Подвиг павших служит предупреждением всем силам зла, замышляющим новые пожары.

И потому так сурово звучит завершающая стихотворение строфа:

Он, когда вы строитесь на шканцах,
Видит ваших вдов, американцы,
И — жалеет ваши города!

Но вообще Марк Максимов — лирик по самой строчечной сути. И даже в поэмах лирическое начало торжествует у него над эпи-

ческим. Впрочем, я не утверждаю это ни в похвалу, ни в порицание. Мне дорога и близка это лирическая стихия, гражданская по наполнению. Наиболее ярко она проявляется в поэме «Голубые огни».

В поэме «Голубые огни» нет строгого сюжета: писатель приезжает в места своей партизанской юности, где все ему напоминает о том, что было опытом его души, а теперь, спустя много лет, стало опытом народным.

Невыдуманные люди, живые и погибшие, ставшие огневыми знаками памяти, реликвии боевой юности под стеклом в залах музея, дорога, по ней летит мирный экспресс Москва — Берлин, она когда-то была «железкой», — все, о чем пишет поэт — с подлинным верно.

В то время, когда писалась поэма, как это было всегда и, очевидно, еще будет — тут уж ничего не поделаешь! — довольно громко и с непонятной назойливостью звучало обвинение в адрес молодежи, что вот, мол, не та нынче молодежь. Не та! — то есть хуже в нравственном смысле, чем бы хотелось тем старшим, которые ее обвиняли в этом. С полным правом старшего поэт спорит, — Впрочем, это не то слово, спорить на эту тему вряд ли стоит, сама жизнь опровергла и опровергает

подобное брюзжание, — нет, поэт обращается к новой юности с чувством, которое он никогда не скрывал по отношению к юности своих товарищей, оставшихся вечно молодыми:

Покажись! Я доволен тобою, мой друже!
Я недаром не верил той старческой лжи.
Вот уже и привычны им брюки поуже,
А уж как они их поносили, ханжи!
Это вы так на все города рок-н-ролили,
Что неясно — а строил-то кто города?
Так на всю целину хулиганить изволили,
Что неясно — а хлеб-то откуда тогда?

— Та, вот именно та! — говорит о молодежи поэт. И в свидетели он призывает отнюдь не личный жизненный опыт, соблюдая тем самым меру такта. В свидетели он призывает того юношу, которого может призвать лишь поэзия своею властью и своим правом и данным ей вдохновеньем. Этот юноша — ровесник старых солдат и молодых космонавтов.

Твой ровесник и мой. Наш с тобою ровесник

Посмотри, молодой он выходит из рамы
И незримо становится рядом с тобой,
Паренек белобрысый с двумя кубарями,
С подбородком железным и с детской губой.
И стоите вы рядом, похожи до дрожи

Всем — от лиц до петлиц, до биенья сердца.
И погибший не старше,
И живой не моложе:
Встали рядом два брата — не сын и отец.

Поэма глубоко современна, хотя она и строится на воспоминаниях, она читается с неослабным вниманием, так как мысль выражена в ней средствами поэзии, а не риторики. В ней живет не красноречие, а подлинный гражданский пафос, сила которого — в выражениях сдержанных, но освещенных жаром лично пережитого, исключаящих витие словес или туманную недосказанность.

Верность теме, которая определилась у Марка Максимова самой биографией, как и полагается в творчестве любого подлинного поэта, отнюдь не ограничивает его работу ни в стихах, ни в прозе.

В ней обретается глубина стихов, а печать индивидуальности только укрепляется, определяя верность теме прежде всего — как верность поэзии!

СЕВЕР — КРАЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ

Стихов в наше время пишется и печатается много. Но поэзия была, есть и будет редкостью, и мы не должны об этом забывать, когда ведем разговор о ней с больших и малых трибун.

При нынешнем высоком общем уровне поэтической культуры и техники стихосложения кажется, что стихи уже захлестывают саму поэзию. Конечно, посредственные стихи были, есть и будут появляться всегда без особых на то причин. Но как мне кажется, ныне есть на то и причины.

Мы стали в неслыханно короткий срок страной всеобщей грамотности. Процесс урбанизации у нас проходит еще более стремительно. В этих могучих социальных процессах традиции подвергаются суровым испытаниям на жизнестойкость, — одни из них обогащаются и укрепляются, другие подвергаются ломке и отпадают, а иные трансформируются.

Наш народ — языкотворец привык выражать себя в творчестве с помощью рифмованного стиха. Ну, кто же не знает хотя бы частушку? И вот то, что вчера рождалось на городских окраинах, на сельских гулянках и в поле на сенокосной страде, сегодня рождается вблизи редакции журналов и газет, в несколько трансформированной и уже внешне профессиональной литературной форме. Ничего плохого, разумеется, в этом нет. Но народ был всегда не только поэтом, но и гениальным редактором, он брал в свои антологии памяти только то, что выдерживало испытание, и в том числе испытание временем. Может быть, такое объяснение причин наивно, не спорю, но стихов пишется действительно очень много и нельзя сказать, что эти стихи неграмотны, нет. Как раз по технике исполнения они неплохи. Но это вторичная стихия стиха. При этом идет моделирование поэзии, а не непосредственно самой жизни. Обширный набор поэтизмов, подражание всем и никому, стало безликостью. Кто же может активно и с успехом воевать с этими недостатками, которые носят характер нашего общего «достояния»?

Я полагаю, что справиться с этим мо-

жет только сама поэзия. И тут я полон оптимизма.

Соединение фольклорных традиций с литературными, — а они у нас не менее могучи, чем первые, — всегда поднимало новые поэтические таланты, и нет никаких оснований сомневаться в том, что этого не происходит сегодня или не произойдет завтра.

Русский Север с незапамятных времен является краем редкой по красоте, удивительной по самобытности народной поэзии, явленной в дереве, камне, драгоценном металле, в узорах и красках и прежде всего в языке, в слове. Суровые и прекрасные исторические и географические просторы его, освещенные трудом и подвигом народа, сказались в том, что мы называем поэзией в самом истинном и широком смысле этого слова, да и ныне не перестают формировать ее. Отсюда, с берегов Белого моря, двести сорок лет тому назад вышел в Москву великий россиянин Михаил Ломоносов.

Не лишне нам, наследникам русской и советской поэзии, почаще вспоминать те основания, на которых он утвердил свои правила о российском стихосложении. «Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному на-

шего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не внести».

На современном Советском Севере рядом с Кижами, с чудом, возведенным фантазией и умением мастеров, с помощью одного только топора, рядом с фресками на стенах Ферапонтова монастыря, писанными рукой гениального Дионисия, поднялись молодые города: портовый Мурманск, обновленный Петрозаводск, металлургический гигант в Череповце.

Прекрасная старина встретилась на севере и переплелась с духовной и промышленной новью, став выразительным современным единством.

Традиции и новое, диалектика жизни ни где так ярко не раскрывается, как в столкновении и в соединении их. Традиции и новое — проблема, которая решается в заботах дня — и за столом писателя, и в мастерской художника. Но социальные и нравственные категории мира крепко связаны воедино, их нельзя разделить, по ним складываются законы жизни и законы творчества.

Я хожу на выставки современных художников, потому что люблю живопись, но, кроме мира красок, на выставках меня интересу-

ют явления общественной мысли, тенденции ума и духа, запечатленные на полотнах.

Последнее время все чаще и больше вижу на выставках в картинах, посвященных деревне и людям ее, плоскую живопись, идущую от лубка, от иконы. Но естественное стремление найти и изобразить образ народа в этих случаях остается за пределами картин, остается только как тенденция.

В русском лубке и на иконах древних мастеров талантливо запечатлен как внешний типизированный образ человека, так и его национальный характер и дух. Я не думаю, что то, что так гениально увековечено древними мастерами, наш народ утратил на дорогах истории.

Но великие мастера тем были и велики, что они создавали свои образы не по стереотипам, как это делают некоторые, успевшие в технике живописи художники, пытаясь постичь и запечатлеть современный образ народа, используя только традицию, — нет, тут, очевидно, надобен и талант, и глубокое знание, и понимание своего современника.

В поэзии современной тоже иногда встречается такая плоская живопись в стихах о деревне, но и в ней обращение к традиции как к стереотипу не помогает постичь народный

характер, да и не поможет. Ибо это даже не проверка алгеброй гармонии, а скорее всего проверка ее простой арифметикой. Расчет.

Я часто встречаю в критических статьях слово «исследование» применительно к художественным произведениям и даже к стихам, к поэзии. Прозаик такой-то исследует, поэты тоже, оказывается, исследуют. Удивлен до крайности. Мне-то, грешным делом, всегда казалось, что литература, поэзия создают образы живого мира, которые можно любить и ненавидеть как мир реальный, существующий. Помните, сказал поэт: «Над вымыслом слезами обольюсь». Поэзия не может быть исследованием, ибо она сама — предмет для исследования. Я не переоцениваю свои возможности, взявшись за исследование ее, но, прочитав книги поэтов Севера, вышедшие за последние два года, я прежде всего пришел к выводу, что лучшие из них сочетают общие поэтические традиции, существующие в живой жизни, с органическим знанием души своего современника.

Поэзия Севера раскрывает на своих страницах в основном сельский мир. Герои стихов ее — землепашцы, лесорубы, рыбаки — наследники тех, кто положил на Севере начало нашей национальной культуре. И все эти лю-

ди сегодняшнего дня, живые строители нового мира. А то, что избы, в которых они живут, иногда из кондовых бревен и расшиты деревянными узорами еще в прошлом веке, так глядя на них, можно только сказать, что крепко и красиво умели строить деды. Не плохо будет, если то же скажут о построенных нами домах через сто лет наши потомки.

Литературные традиции в стихах наиболее талантливых поэтов, живущих на Севере, сочетаются с богатыми революционными традициями народа, обновляются ими. Человек труда предстает в поэзии в движении, мир, окружающий его, полон социальных событий. И риторический вопрос, одиноко прозвучавший в стихах поэта из Петрозаводска, если не пародиен, так попросту наивен:

Что, если все истины света
Счастливо вмещает в себе
Не просто большая планета,
А просто конек на избе?

Это вопрос из ряда плоской живописи, он случаен и не характерен даже для самого автора — способного молодого поэта.

Поэзия с доброй усмешкой отвергает литературную суету; строим четкой мысли и об-

разов она масштабно оценивает и ощущает истины света.

За нами — шум и пыльные хвосты —
Все улеглось, одно осталось ясно:
Что мир устроен грозно и прекрасно.

Это стихи Николая Рубцова из Вологды, поэта, остро и по существу ощущающего связь времен в том мире, который именуется сельским. В нем он, как сам заявляет, с большей поэтической конкретностью познает жизнь, чем в городе. Что ж, это его почва, но цель и вдохновение его отнюдь не ограничены сельской околицей.

В деревне виднее природа и люди,
Конечно, за всех говорить не берусь.
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Впрочем, у каждого истинного поэта своя почва, своя земля, свое небо, из которых они создают стихи.

Самое интересное в поэзии — это различия. То, чем один поэт отличается от другого. Общее в поэзии принадлежит всем. Ибо то, что не принадлежит всем, нельзя подарить никому. Из него творят поэты свои миры и дарят нам, читателям. Даже то, что знакомо тебе

с детства, окажется в таком подарке новым, удивительным. В самобытных поэтических деталях, красках, зачерпнутых из богатой языковой кладовой Севера, до сих пор хранящего и создающего фольклор, создает и дарит читателю Ольга Фокина то, о чем она говорит:

Создаю для тебя дворец
С ледяными оконцами,
Белый настиковый дворец
В самой тайной глуши лесной.

В сорок горниц и семь крылец,
С крышей ивистой, навесной.
И лелею и берегу
Вот такую фантастику.

Николай Рубцов в отличие от нее, не увлекаясь красками и возможностями яркого повествования, раскрывает с естественной простотой дыхания самое главное — традиционную и непреходящую сущность человеческого характера, сложившегося в активном общении с природой российского Севера, унаследованную от предков.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

С публицистической остротой, ощущая современность дня идущего, определяет свою позицию Александр Романов.

Мы — как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село,
Низко ли, высоко ли,
Вытянулось в зенит.
Если холодно комлю,
И вершину знобит.

И вот простое о простом немногословного, мало пишущего, но интересного поэта Бориса Чулкова, предметно, верно ощущающего обыкновенный мир с жизнелюбием, выражающимся даже в коротких строчках:

Ах, в Белозерске нынче лето,
Оно течет в листву садов,
Пропитывает знойным светом
Канал и палубы судов.
У озера рыбацья лодка,
На солнце дремлют валуны,
И белотелая молодка
Идет в объятия волны.

Я бы мог и далее цитировать стихи россыпью из разных поэтов для того, чтобы подчеркнуть своеобразие и особенности дарований, но краткость самохарактеристик не

только не исчерпывается ими, но и не может исчерпать сложный и многообразный мир любого из поэтов, тем более что не у каждого открытые самохарактеристики встречаются.

Но то общее, что принадлежит всем, что роднит поэтов, живущих на Севере, что дает возможность в силу их призвания щедро одаривать людей, подробно, емко и красочно, с большой любовью запечатлено в лучших стихах, издающихся в Петрозаводске, Архангельске, Вологде, Новгороде, Пскове, а также на страницах многих столичных журналов.

Современная русская советская поэзия на Севере определяется многими именами поэтов, насчитывает десятки стихотворных сборников, из которых можно составить библиотечку поэзии. Впрочем, такую библиотечку, так и называя ее «Библиотека северной поэзии», издает с хорошим отбором Северо-Западное книжное издательство в Архангельске, издает неторопливо, со вкусом, в добром оформлении художников Бурмагиных. Журнал «Север», выходящий в Петрозаводске, объединяет на своих страницах поэтов, живущих и работающих на огромных просторах нашего Северо-Запада, дает выход в свет новым молодым силам.

Разумеется, никому не придет ныне в голову, слыша слова «северная поэзия» воспринимать ее как периферийную, провинциальную поэзию. Понятие «литературная провинция», связанное еще не так давно с географией, с отдаленностью от столицы, ныне окончательно потеряло связь с географией и стало понятием чисто эстетическим.

Художественный примитив, идейная инфантильность, творческая серость, поэтическая провинция появляется ныне лишь там, где отсутствует элементарная требовательность, и только там. Что же касается географии и поэзии, то каждый эстетически грамотный человек знает, что они дружны и взаимосвязаны.

Невозможно представить себе без гор Кавказа поэзию поэтов, широко известных на просторах всего обширного Отечества нашего. Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков приблизили к нам свои горы. Мустай Карим и Давид Кугультинов развернули перед нами бескрайные степи Башкирии и Калмыкии. Русский Север с его полями, лесами, озерами, большими и малыми реками предстает в поэмах и стихах Александра Прокофьева и Александра Яшина, Бориса Шмидта и Сергея Викулова, а также в лирике

Владимира Морозова, Николая Рубцова, Александра Романова, Ольги Фокиной, Виктора Коротяева и других

И хотя мир современного человека, благодаря технике и прогрессу и могучим социальным преобразованиям, изменился неузнаваемо в самый короткий срок, поэзия, если она пользуется в пути не электрокибернетическим транспортом, а той, почти крестьянской в сравнении с ним, лошадкой, которую с древности называют Пегасом, делает далекое — близким, связывает малую родину с большой, от сердца к сердцу, напрямую.

Разумеется, в развитии и формировании поэзии Севера, как и всей русской, советской поэзии, плодотворно сказались творчество великих советских поэтов Маяковского и Есенина. Есенина, может быть, в большей степени, если мы говорим о Севере. Но есть поэты, которые не только творчеством, но и своим личным участием в судьбах поэзии и стихотворцев сделали многое для того, чтобы на Севере была достойная поэзия.

Для вологодских и архангельских поэтов таким человеком был Александр Яшин, не жалевший для них души и своего яркого и большого поэтического опыта. Недаром у многих из них в книгах есть проникновен-

ные и щемящие стихи, с благодарностью посвященные его памяти. В Карелии русским поэтам отдавал и отдает свой учительский дар поэт Борис Шмидт. В Новгороде печется о поэтической молодежи Василий Соколов. Сергей Викулов, поэт, старший по возрасту из вологжан, переехав в Москву, не порывает связи со своими земляками, а, наоборот, укрепляет их. Многим из них он дал добрый путь, когда они только что начинали, теперь они появляются на страницах журнала, который он редактирует.

Но, оглядываясь на отделы критики нашей прессы, я не могу обойтись без традиционных в таких случаях слов в ее адрес. Критика, за редким исключением, до сих пор мало обращает внимания на поэзию северян. Только Александр Михайлов и Валерий Дементьев, два столичных критика, не забывают поэтический Север.

Впрочем, я говорю это не в упрек критике, мне жаль в данном случае критику. Она бы о многом могла поразмыслить, обратив внимание на поэтов, живущих на Севере. Горизонты ее от такого общения только бы раздвинулись, а поэзия только выиграла бы.

У французов есть пословица — даже господь бог нуждается в колокольном звоне. Ны-

нешнее литературное лето, если прислушаться к отделам критики ежемесячников и газет, в поэзии было негромким. Это объясняется, очевидно, тем, что поэзия давно уже вошла в свое глубинное русло, сенсационное половодье схлынуло, четче обозначились берега, и пришла необходимость прочно возвратиться к проверенным измерениям, идейно-эстетическим критериям глубины и мастерства, да еще и тем, что всерьез критикой современной поэзии у нас занимается не так уж много квалифицированных авторов и многое, происходящее в ней, остается без внимания должного и необходимого. Внимание к поэзии со стороны критики должно быть проявлено, тем более, что в спокойной доброжелательной атмосфере ничто случайное, привнесенное, не мешает обратить внимание на книги стихотворений, не вступая перед тем в споры ради установления отправных непреложных истин, хотя бы по частным случаям.

Если бы меня спросили, кто из русских поэтов, живущих в нашей стране, издал интересные книги новых стихов в последнее время, я бы из множества, наверное, назвал десять-пятнадцать и обязательно включил бы в их число книги новых стихов Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Виктора Коротаяева:

«Душа хранит», «Островок», «Жребий». В каждой из них звучит, переливается, гневается, радуется и печалится живая душа поэзии. Начну с «Островка». Ольга Фокина показывает отличное владение мускулатурой стиха. Вот, к примеру, как он по-мужски, свободно и легко перебивкой логики, раздвигает рамки строфы, не нарушая при этом строфы, делает ее одновременно динамичной и просторной.

Привези мне сена, Вовка!
Чтобы вновь передо мной —
Константинович у стога
С вознесенною копной.
Александрович с косилкой,
Закуривший налегке,
Вороня лошадь Милка,
Отраженная в реке,
И предательски дрожащий —
Кто впервые — лучше вброд! —
По-над Сондогой журчащей
Из лесины переход

Она раздвинула строфу легким и властным поворотом некоторых строк, — и емкость увеличилась, зримей стали люди, лошадь, река, копны, мостик, а ведь они были, кажется, только просто названы. Поэтическому зрению Фокиной можно позавидовать. Взгляните на увиденную ею картину, из чего она склады-

вається, — как цельно, живо, естественно, вся в движении предстает эта картина, предстает в деталях, увиденных точно и как бы пойманных на лету.

Но взгляни, опала вода,
Островок стоит, как всегда:
Стрекоза над речкой дрожит,
Мирно-мирно вода бежит,
И осока шумит, как лес,
И кусточек жив, не исчез!
И песком, чтоб горел, как жар,
Чистит девочка самовар.
И купает его в реке,
И играет на острове.

Стих Виктора Коротаяева жестче, угловатей, нет еще в нем законченной слаженности, но бескомпромиссная требовательность к себе самому по законам высокой нравственности и долга перед людьми и Отечеством покоряют открытостью и прямоотой.

На дорогах, где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку подвинуть на лишний увал,
Я по локоть откручивал руки у елок
И березы по самые плечи ломал.
...Я чернел, но деревья, поникшие снова,
Я валил, хоть и знал, что под небом глухим
Всем, что в душах у нас и осталось святого,
Мы обязаны в первую очередь им.

Может быть, в музыке, в интонации, не расцвеченная ничем, таится открытость и задушевность стиха Николая Рубцова.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день.
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.

Из всех вопросов, которые встают, как лес, перед чистым листом бумаги в мастерской стихотворца рядом с вопросом «что?» всегда стоит вопрос «как?». И чем значительней темы стихотворного разговора, тем значительнее встает этот вопрос.

Стихотворцы, живущие на Севере, прочно связаны с жизнью. Им не надо привозить современность из дальних поездок. История смотрит на них с пожелтевших фотографий в каждой избе и звучит в песнях и преданиях на самых близких дорогах.

На земле нет ни одного цивилизованного народа без истории. Нет и не может быть. Ибо тот, кто забывает свою историю, не может рассчитывать на будущее. Нам, гражданам общества, сознательно строящего коммунистическое будущее, необходимо хорошо

знать и помнить свою историю. Это, разумеется, истина. Но я говорю не об учебниках истории, а об истории в художественном творчестве, в искусстве и литературе. Ибо ничто так не прививает любовь к истории и не делает ее каждодневным нашим достоянием, как они.

И в книгах Бориса Шмидта, Василия Соколова, Дмитрия Ушакова и Анатолия Левушкина наряду с современностью немало стихов посвящено истории. Великие годы новой истории — Октябрьская революция, Великая Отечественная война — и вместе с тем пристальное внимание к истокам далеких национальных свершений.

У Бориса Шмидта поэтизация революционных традиций — сильная сторона многих книг.

У Дмитрия Ушакова интересна «Легенда о счастье» — о заточенном в подземелье Соловецкого монастыря живописце, — написанная с пониманием природы художественного творчества.

У Романова это стихи «Предок», «Петр Великий», «Константин Батюшков в Париже» и большая эмоциональная дума во многих стихах о деревне, о ее новой и старой истории.

Не просто ветвью быть последней
И цвезть уже в черте иной,
Когда в глуби тысячелетий
Прямой и трудный корень твой.
Не просто быть на самой грани
И вырастать наискосок,
Когда порой саднит и ранит
Идущий с корня горький сок.

Это стихи глубоко личные, сопрягающие психологические грани человека, крепко связанного с деревней, но ставшего горожанином, — и как знать, только ли у одного автора стихов в нашей стране, ставшей за короткое время промышленной городской державой, эти грани сталкиваются в душе.

В духовном строе людей, в образовании грани между городом и деревней давно стерлись. Сельская интеллигенция, партийные работники, колхозники, управляющие техникой, — герои стихов северной поэзии, — интернационально мыслящие, пытливые и деятельные люди, и главной заботой их является та забота, о которой сказано в песне: «...жила бы страна родная, и нету других забот».

Но, видно, многое из того, что пришло на асфальты городов и на поля, скажем, Краснодарского края, не пришло еще в северные

деревни по бездорожьям. Поэтам Севера хотелось бы, чтобы это пришло скорее, ибо еще дедами завещано то, о чем говорит старик в стихогворении Рубцова «Жар-птица»:

Так что же нам делать? Узнать интересно...
А ты, — говорит, — полюби и жалея,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей.

Забота о родных полях и холмах, на которых они выросли, любовь к ним, на мой взгляд, не входит в противоречие с большой главной заботой, потому что эти поля и холмы являются местом применения их творческих и физических сил во славу и благополучие Отечества.

Северяне — народ гордый, в неустанных трудах и великих испытаниях складывался их характер, и когда они нахваливают свой край и говорят, что он лучше юга всякого с пальмами (особенно часто об этом говорится в стихах), то, слушая их, не стоит вспоминать старую поговорку: «Каждый кулик свое болото хвалит». Давайте лучше обратимся к стихам. Я приведу полностью чистое по форме и ясное по выраженной в нем мысли стихотворение Александра Романова.

Хоть солнце и зашло уже
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо открыто,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только, чтоб она
Дружней росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

Современность — главный герой поэзии, на ней сходятся и завязываются в прочный узел и любовь к живой старине, и гордость за большие свершения дня идущего, и мечты устремленного в будущее человека труда, творчества. Поэты, о которых говорю, сами люди весьма не старые, им положено по таланту, да и по возрасту захлеб дышать современностью.

Мир внутренних переживаний Виктора Коротаева современен потому, что образный

строй его стихов продиктован сильными чувствами, надеждами и сомнениями, радостями и горестями, крепко связанными с явлениями мира большого. Нравственные проблемы, резкие эмоции, проявление характера в общественных связях органически присущи молодому лирическому герою стихов Коротаяева. Подобное можно сказать о герое стихов Ивана Костина и Николая Журавлева.

Их детство пришлось на войну, когда деревня, особенно обезлюдевшая без мужчин, взвалила на женские, материнские плечи всю тяжесть труда во имя победы, и только руки подростков помогали ей. Николай Журавлев пишет о своем поколении, что оно отцов не запомнило в лицо.

Какие?
Наверно, красивыми были они.
Нам выпала доля
В суровую пору родиться.
И только с фронтов
Торопливые письма хранить.

Меня взволновали многие строки стихов, посвященных детству военной поры, точные, обжигающие правдой черточки труда и ежедневного быта, о котором я мало знаю. Стихотворения Ольги Фокиной «Черемуха», «Розовое мыло», наполненные ими, написаны

с той памятью, которую не назовешь иначе, как неизбывной.

Война встает в стихах поэтов в женских образах, самых близких на свете людей - матерей, отдавших свою молодость полям и детям в дни великой страды. Об отцах, вернувшихся и не вернувшихся с войны, пишется в стихах с гордостью и любовью. Да и как же может быть иначе! И таким непонятным, надуманным кажется тот идейный конфликт детей и отцов, который забрел в нашу литературу с Запада, хотя и ненадолго, но вот забрел. А мог он забрести только в книги тех авторов, которые недостаточно глубоко знали народную жизнь, жизнь людей труда, создающих хлеб, сталь и песни на земле, где взаимосвязь поколений определена не только наследственными законами, но еще и законами общего труда и подвигов во имя сегодняшнего и завтрашнего дня.

Человек труда в лирике. Кто он? — полевод, тракторист, врач, сплавщик, учитель, лесоруб, агроном, но разве можно описать все профессии, которыми занимается человек!

Человек труда в лирике. Какой он, этот человек? Гордый, веселый, терпеливый, честный, сильный, мужественный, грустный, ну, чего нам стоит собрать все воедино и сконст-

руировать по рецепту этакого гомонкулюса. Лирика, разумеется, этим не занимается.

Человек труда в лирике, как и в жизни, прежде всего разный. Вот он, обеспокоенный судьбой урожая, мчится по проселочной дороге в «газике», хотя таким способом дождь не остановишь.

У бурлящих вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.

И мы чувствуем в человеке то, что подымало его изо дня в день и вело в поле с ранней весны до конца короткого северного лета, хотя в стихотворении не говорится, что человек этот трудолюбив, честен, терпелив. Стихотворение Александра Романова заканчивается тем, что «газик» снова безутенно мчится сквозь дождь.

И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

И профессия не названа, но она и не важна нам, ибо стихи раскрывают перед нами душу современника, для которой главное не мое, собственное, а наше, общее.

А в другом стихотворении того же Романа пишется о том, как копает девушка картошку. Но, оказывается, ей неохота заниматься этой работой:

Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед.
Она стоит, облокотившись
На вересковый черенок,
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.

И не появляется у нас никакого такого осуждения, а, совсем наоборот, очень нам симпатичной становится эта душа человеческая в голубой кофточке, зачарованная красотой осеннего дня.

Герой стихов Ивана Костина ведет свою родословную от тех же бунтарей и зодчих, он может даже поспорить с предками в древнем мастерстве.

И весеннею порою
Я одним лишь топором
У Онеги дом построю
В три окошка с чердаком.
Потолки опотолочу,
Тесом сени осенью..

Веселый человек, лирический герой Ивана Костина, свой среди своих, наделенный неунывающей натурой, с доверительной открытостью разговаривающий с людьми. Он идет по своему северному краю вроде бы без особых притязаний к жизни, но это только лукавинка, украшающая его, а цену себе он знает.

Между лодок, канатов и тросов
Позабуду сердечную грусть
И до первых покровских морозов
На красавице Зинке женюсь.
Жизнью я не балованный вроде,
Что мне надобно — щи да пирог.
На рассвете в брезентовый робе,
Взяв продольник, шагну за порог.

Но мир за порогом широк, он наполнен солнцем, ветрами, работой, от которой выступившую на спине соль надо отмывать целым озером, — в этом мире в часы отдыха по травам приходят песни, рядом, за синим туманом, живут сказки, в нем

Слово становится краше
И ярче само бытие,
Где чаще нам слышится «наше»
И реже «твое» и «мое».

Это мироощущение характерно не только для авторов стихов и поэм о деревне.

Герой стихов и поэм, будь то не очень грамотный дед или молодой человек, вступивший в жизнь после школы или института, прежде всего колхозник, человек, для которого наше, колхозное, стало предметом заботы, гордости за десятилетия новой жизни, главной чертой его характера.

Без декларации, без громких слов поэзия находит убедительные строки, в которых достоверное это чувство так же естественно и зримо, как извечная любовь человека к природе. Возьмем, к примеру, стихотворение Ольги Фокиной, точнее — строчки из него.

Никогда не наглядеться вдосталь
В это небо, в эти берега.
Ничего особенного. Просто —
Лес зеленый, мутная река,
Шевельнулся куст, плечом задетый,
Вздрыгнула река, как перед сном.
Ничего особенного — это
В воду звонко шлепнулось бревно,
Догоняя первое, второе,
Закачалось тихо на волне,
Это лес для наших новостроек
Нашей с ним большой-большой стране.

Пристально вглядывается поэзия в обыкновенную жизнь, в трудовой уклад ее, в «про-

стые каждодневные заботы о хлебе, об уюте и тепле».

Смотрю, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей.
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет:
Веселое — до самого колодца,
Спокойное обратно до ворот.

(Ал. Романов)

Объемное воспроизведение мира достигается здесь простыми, на первый взгляд, средствами, и даже в одной строке может заключаться целая картина, хотя бы в этой: «и слышно, как тропа морозно вьется», — прочитаешь ее и видишь идущую по тропе за водой женщину, задевавшую ведрами или полами одежды за высокие сыпучие сугробы и слышишь скрип снега под валенками.

Поэзия Севера еще молода, авторы, о которых мы говорим, если учесть средний возраст в Союзе писателей, просто еще «юноши» — большинству из них около 40 лет, но это обстоятельство я привожу не для того, чтобы делать скидку на молодость. Ибо, если оглянуться на историю поэзии нашей, видишь, что в ней нет молодых или старых поэтов,—

читатель принимает во внимание только талант, идейно-эстетическую зрелость, мастерство.

Поэзия Севера — краевое обозначение и весьма условное, читатель не делит поэзию по частям света, но русский северный орнамент, который вплетают поэты Севера в литературу, прекрасен и выгодно подчеркивает самобытность поэтов Севера в нашей современной поэзии.

Критики, пишущие доброжелательно о творчестве поэтов-северян, всегда отмечают в их стихах и хвалят их за любовь к земле, чаще всего они это называют любовью к деревне.

Это, наверное, приятно слышать, но позволите рассказать одну притчу.

Говорят, в древней Японии художник, добившись известности и признания своего имени, брал новое имя и начинал работать по-новому, подписываясь им; так он работал до тех пор, пока новое имя не становилось признанным. Говорят, некоторые гениальные художники древности добивались за жизнь трижды признания.

История поучительная, хотя и чисто японская. Возвращаюсь после нее к нашей современной критике.

Конечно, приятно, когда тебя хвалят за что-то хорошее, но и похвалу следует рассматривать диалектически.

Мне кажется, что поэтам-северянам эту похвалу критики можно рассматривать и как фиксацию некоторой однозначности их поэзии, если не ограниченности.

Я отнюдь не собираюсь срочно призывать, скажем, Александра Романова вторгаться в тему индустриального труда, хотя рядом с Вологодой появился металлургический гигант в Череповце.

Новую тему поднимут и органически раскроют новые молодые поэты — певцы труда индустриального. Но я бы пожелал Александру Романову большей психологической глубины и точности в стихах, а лирику Николаю Рубцову, тонко и точно выражающему сокровенные человеческие переживания, большего гражданского темперамента.

Творческая позиция поэтов Севера ясна. Концепция мира, разумеется, у каждого своя, собственная, она вызывает уважение и внимание широкого круга читателей. Но есть в их позиции элементы некоего самоуничтожения. Я говорю о тех талантливых поэтах, которые, не мысля себя без своего края, подчеркивая это обстоятельство, считают себя

лишь травинкой или озиминкой в нем, и лишь тем, стало быть, они и сильны.

Все это прекрасно, но чрезмерная робость даже в большой любви остается робостью, как бы она ни была трогательна. Есть ведь в русской поэзии и другая позиция. Помните:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.

Или

Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!

И уж на что любил Рязанщину Есенин, но и он требовал: «Не ставьте памятник в Рязани!» Я говорю не о степени таланта, а о позиции, и как ни банально прозвучит напоминание, но расширение творческого диапазона — необходимое условие развития поэзии.

Наверное, приятно слышать от критики, когда тебя полусхвоят, полусерьезно, но относятся к школе. В данном случае, к вологодской школе. В каждой избе имеется такой почетный угол, его называют «красным углом»; раньше там висели иконы, теперь — почетные грамоты. Но критика, всерьез введя в литературный обиход такое определение, может с помощью его и загнать в угол. Хотя и в красный, но в угол!

Что же касается критики, то я не согласен с нею и в утверждении, что главное достоинство поэзии северян — это любовь к деревне, воспитание у читателя уважения к труду крестьянина. Хотя эта задача и благородная, у поэзии есть более обширная цель, которая включает в себя и крестьянский труд. Эта цель — человек. Ибо каким бы трудом он ни занимался, — индустриальным или крестьянским, интеллектуальным или воинским, ратным по охране рубежей Родины, — любовь к земле в поэзии, понимание и раскрытие красоты природы возвышает и формирует душу человека — хозяина могучих промышленных комплексов и тихих сельских зорь над тесовыми крышами. Любовь к земле — традиция, поэтические истоки которой теряются в дымке исторических далей. Поэзия сохранила и пронесла через века негромкий возглас, почти вздох одинокого воина-поэта: «О, русская земля, ты уже за холмами еси...» Через восемь веков слышим мы этот возглас — такова сила любви к родной земле, измеренная поэзией, и никому больше не дано было измерить ее до конца; тому свидетель история наша.

Эта патриотическая традиция идет через оды Михаила Ломоносова, воспевавшего, как показало время, прежде всего Россию, отече-

ство, а не монархов; через Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Маяковского, Есенина — к поэтам старшего поколения, зачинателям русской советской поэзии, активно работающим и сегодня, к поэтам Великой Отечественной войны, к поэтам сегодняшнего дня, совсем молодым, влюбленным в день идущий, помнящим вчерашний день и думающим о завтрашнем дне.

ПОЭЗИЯ МУЖЕСТВА

Поэзия бойцов антифашистского фронта — «Тюремный дневник» Хо Ши Мина и «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля вспоминаются не случайно, когда открываешь и перечитываешь «Мои песни» Георгия Джагарова. От первого лица в этих песнях идет разговор о жизни и смерти, о свободе и неволе в тюремном застенке, о физических страданиях и высоте человеческого духа, неподвластного им.

Для героя песен главное — продолжать борьбу с врагом даже тогда, когда ты скован цепями, сражаться за родину даже тогда, когда есть всего два метра каменного тюремного пола под ногами. Несгибаемый человеческий дух, поднявшийся на бой за вечные и непреложные ценности, тоскует в песнях лишь о том, что он не может продолжать борьбу с врагом в полную силу, как бы он смог это делать, будучи на воле. И все, что, казалось бы, могло помешать ему быть сильным в этих

обстоятельствах, все, что должно было, казалось бы, первым погибнуть в человеке, — доброта, нежность, лиризм приходят на помощь человеку и становятся его силой.

Поэтов Хо Ши Мина, Мусу Джалиля, Георгия Джагарова роднят не только идеи борьбы за свободу, выраженные в стихах. Книги роднит и то, с какой силой неповторимой образности, глубиной метафоричности авторы раскрывают свои мысли и чувства. Стихи Джагарова обжигают остротой восприятия окружающего, выраженного с предельным лаконизмом, объемно и точно.

Дни в застенке похожи один на другой. Наверное, можно рассказать о них по-разному, но картину тюремного дня, нарисованного поэтом, нельзя забыть.

Встаю.
Снаружи, тяжело шагая,
заткнув гранату за тугой ремень,
как облако, большой и бородатый,
в шинели,
с наведенным автоматом
пришел и встал к решетке
новый день.

(Перевела М. Павлова)

Никакой риторики, все просто, даже обыденно, и вместе с тем никуда не денешься от

такого дня, уж очень он конкретен до ворсинок шинели и дырок на ремне, за который заткнута деревянная ручка гранаты.

«Мои песни» — это чаще всего очень короткие стихи, но то, что встает за ними, делает их значительными не только по содержанию. Конечно, трудно судить о стихах по переводу, но движение поэтической мысли, заключенной в них, позволяет оценивать и эстетику строк — они прекрасны, ибо в них нет лишних слов, они точны, потому, что выбор слов определен и продиктован состоянием души, готовой вобрать в себя весь необъятный мир, в то время как человек ограничен пространством, которое можно все за минуту ощупать руками. Вот одна из «Моих песен», приведенная полностью.

После допроса

Вдоль два шага и два поперек...
Солома от льда холодна.
Поднимешь голову — потолок.
Протянешь руку — стена.
А там широки, широки поля,
глубоки реки,
гор отроги,
всплеск крыльев в небе, родная земля
и уводящие вдаль
дороги.
А там товарищи,
мечты,

морские берега...
И все это
ты сумел защитить
на пространстве
всего в два шага.

(Перевела М. Павлова)

Сдержанность чувств в заключительных строчках определяет меру того, какой ценой удалось герою стихов отстоять мир, хотя об этом прямо не сказано ни слова, все осталось за пределами стихотворения. Сопоставление двух масштабов, я бы сказал — двухверстки с глобусом, рождает в стихотворении объемный и впечатляющий подтекст.

«Мои песни» — всего лишь раздел в большой книге Джагарова, выпущенной издательством «Прогресс» в переводах русских советских поэтов. Сюда вошли ранние стихи поэта, в них — молодость члена Союза рабочей молодежи Болгарии, в них — суровые годы подпольной и партизанской войны с фашизмом.

Идейная, гражданская зрелость бойца определила содержание и направленность поэзии. Первые проявления характера совпали со становлением голоса поэтического. «Мои песни» звучат в полную силу и ныне, убеждая и захватывая своей чистотой и высотой духа. От них до новых стихов в книге «Птицы про-

тив ветра» — большой творческий путь болгарского поэта.

В книге — широкие поэтические горизонты, большая глубина и разнообразие нравственных и философских осмыслений и измерений человеческой души.

С вершины горы Шипки, на которой стоит памятник воинам русской армии, освободившей страну от турецкого ига, в ясные солнечные дни так хорошо видна Болгария. Пашни, луга, сады, села и города, зеленые, желтые, красные цвета сливаются в далах в сиреневую дымку, к которой, мнится, начинаются иные края. Округлые выпуклости старых гор, пологие плавные линии долин в прозрачном неподвижном воздухе, кажется, видны все как бы на ладони. Нет в Болгарии болгарина, который бы не совершил паломничества на Шипку, не посетил эту национальную святыню хотя бы раз в жизни, что же касается болгарских поэтов, то они, уверен, бывали на ней не единожды. Может быть, на вершине Шипки пришло в голову Джагарову сравнить свою страну с человеческой ладонью трудолюбивой и доброй:

Земля моя с ладонь... Но мне она
могла бы заменить все мирозданье.

«Главная тема джагаровской поэзии — это тема родины, отчизны, Болгарии», — справедливо пишет в предисловии к книге поэта Владимир Солоухин. Она раскрывается в стихах, прямо обращенных к родине, и присутствует органично в интимной и философской лирике; в образах одушевленной природы и всех стихий — ветра, дождя, снега, солнца, с которыми поэт разговаривает на «ты», обращается к ним за душевной помощью и поддержкой. Родина для него не только день идущий и будущий, не только современники и природа, но и история страны, народа, отмеченная в далях времени гражданским духом далеких предков.

Новая история Болгарии связана идейными узами классового братства с Советским Союзом. О Великом Октябре поэт говорит, что

Он счастье золотыми нес снопами
по вольной и мятежной русской ширн
и красное в Болгарии взвил знамя,
дал людям хлеб, земле дал клич

о мире!

(Перевел М. Зенкевич)

Идейные и нравственные позиции поэта определяют гражданственность его творчества

ва. И дело здесь не в темах стихов — они могут быть самыми разнообразными. Даже обращения к любимой или к сыну, интимные по самой сути содержания, звучат нравственной и идейной программой его поэзии.

Иди походкой молодой, веселой
и с песнею такой же молодой.
Когда дурак
начнет учить уму,
а клеветник
учить добру и чести,
ты плюнь на них!
Иди с народом вместе.

(Перевел Е. Евтушенко)

Любимым образом мира для Джагарова является день, ему в книге «Птицы против ветра» посвящено немало строк, строф и целых стихотворений. День неповторим в изобразительном выражении поэта, динамика его передается в конкретных запоминающихся деталях. День — время творческого труда и открытий, в нем бывают и солнце и тучи, дожди и бури, минуты тишины и раздумчивого молчания. Концепция мира, который творит Джагаров из материала дня идущего, при этом ничуть не односложна, она многопланова, в ней при всем общем мажорном звуча-

нии, слышны ноты и горькие, трагедийные, в ней, кроме ответов, встают вопросы, на которые нет, казалось бы, прямого ответа:

Если жажда утоляется водой,
если вниз идет течение рек
и могила всякий путь венчает —
для чего, скажи, родится человек?

(Перевел В. Солоухин)

Характер лирического героя Георгия Джагарова предстает в книге «Птицы против ветра» удивительно цельным, несмотря на длительность развернутого времени — от романтической юности до мудрой и многоопытной зрелости.

Темперамент бойца в самых разных, и я бы даже сказал — полярных обстоятельствах выражается в поэзии предельно искренне, чаще всего немногословно, сурово и сдержанно, иногда и несколько нервно, так, как в стихотворении «Вынужденный ответ», но всюду он выражается средствами поэзии.

Советскому читателю знакомы стихи Георгия Джагарова по многочисленным публикациям в журналах; в новом издании поэт представлен наиболее широко.

Интернациональная студенческая семья Литературного института имени Горького

в Москве вскоре после окончания Великой Отечественной войны пополнилась студентами из новых социалистических стран освобожденной Европы.

Теперь я даже не могу вспомнить, на скольких языках институт в те годы пел песни и читал стихи.

С болгаринном Георгием Джагаровым, красивым, молодым, мужественным парнем, влюбленным в поэзию, в свою Болгарию и в Советскую Россию, о которой он написал стихи, еще не видя ее, я познакомился в институте. В то время мне о его стихах было трудно судить, ни одной строчки не было еще переведено на русский язык.

Он оказался очень похожим на свои ранние стихи, которые не постарели за десятилетия, и я, сегодня перечитывая их, вижу его снова юным, стройным, как при первом знакомстве, с веселыми карими глазами и смоляным чубом без единого седого волоса, молод он и в своих новых стихах.

Кто мне шепчет, что молодость
скрылась?
Это ложь!..

ЧИТАЯ СТИХИ ТОВАРИЩЕЙ

Первое Всесоюзное совещание молодых писателей по существу было форумом новой военно-патриотической литературы. Только что отгремели залпы победного салюта, на землю сошел мир, и все те, кто прибыл на это совещание в Москву, принесли с полей Отечественной войны в своих полевых сумках и планшетах стихи, которые ныне стали частью памяти народной, и прозу, которая входит во все хрестоматии советской литературы. Я стихотворец и поэтому буду обращаться только к поэзии.

Проникновенность и человечность, свойственные советской поэзии, получили в творчестве военных поэтов углубление в новую освещенность.

Среди поэтов военного поколения были пехотинцы, моряки, артиллеристы, танкисты, летчики, десантники, саперы, партизаны — одним словом, это были солдаты великой армии, утвердившей на земле мир.

Семен Гудзенко, Александр Недогонов, Вероника Тушнова, которых уже нет с нами; Михаил Дудин, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов, Александр Межиров, Юлия Друнина, Сергей Баруздин, Марк Максимов, Василий Субботин, Михаил Львов, Марк Соболев, Дмитрий Ковалев, поэты из братских республик Мустай Карим, Рачия Ованесян, Платон Воронько, Микола Руденко, Иосиф Нонешвили, Амо Сагиян, Реваз Маргиани — все мы тогда впервые встретились на этом совещании со своими учителями, признанными мастерами поэзии, которые в ту пору были не старше нас нынешних. Николай Тихонов, Павел Антокольский, Александр Твардовский, Алексей Сурков, Александр Прокофьев, Михаил Светлов, Владимир Луговской, Степан Щипачев — да, они были тогда молодыми. А то, что ныне критика называет преемственностью поколений и продолжением традиций, было еще и человеческой дружбой, сильной товарищеской поддержкой, личной заинтересованностью в судьбах поэтов и поэзии.

И сегодня, глядя на седины своих сверстников, которыми они обзавелись за эти годы, я утешаю себя мыслью, что не только седины обрели мы, а еще и творческое мас-

терство, и заслуженное признание читателей.

Разумеется, невозможно, говоря о современной поэзии, ни отделить, ни выделить какое-то одно поколение, хотя бы и самое любимое твоему сердцу, то, к которому ты имеешь честь принадлежать.

Преимственность традиций, овязь мировоззрения с творчеством и верность гражданственности характерны для всех поколений советской поэзии, они определены временем и стали сутью вместе с биографиями.

Сергей Есенин сказал, что его биография — в его стихах. Биография поэтов военного поколения, начатая в стихах в ту пору, когда музы, по утверждению древних, должны были бы молчать, продолжается в их стихах ныне с мастерством, широтой и углубленностью. И это дает мне право утверждать, что главная идейная характеристика их лирики — высокая ее патриотичность. И дело даже не в том, что запас личных, необыкновенно острых впечатлений, полученных в юности, определил направление лирики, а в том, что главные нравственные принципы, философский взгляд на мир, короче говоря, концепция мира, были определены в то суровое решающее время надолго и всерьез.

том, остросовременное ощущение мира в их лирике охватывает интимные движения души человека и чувства, которые приводят в движение миллионы людей. Мир огромный и разнообразный предстает единым и единственным, сплавленным внутренними связями, которые нервно и точно определены поэтами.

Немало написано о войне стихов поэтами поколения, пришедшего с войны. В них огонь и ветер боя летит по сердцам.

Эти стихи неповторимы. Я только сожалею об одном, что, уступая в свое время требованиям критики быстрее переключаться на мирные темы, поэтам пришлось выдать немало описательных стихов, вместо того, чтобы выговариваться о пережитом, таком близком и переполнявшем тогда их.

Мирные темы, как показало время, вошли в стихи огранично и самобытно, когда пришел срок, отнюдь не тогда, когда этого требовали критики и не потому, что они этого требовали.

Но вот поэма о войне. Отчего бы это снова написал о войне поэт? О далеком, да еще о таком, которое не вспоминают без причины. На войне было много, чего не забыть вовек, но было и такое, которое именовалось словом, несущим в себе непереносимое забвение, не только человека, но и памяти о нем, хотя бы в виде

холмика с каким ни на есть столбиком. Бесславию не полагалось на войне ни холмика, ни ветки над ним, самой малой приметы памяти, а в поэме говорится о бесславии.

Его могилы нет среди тех,
Кто удостоен похорон.
А среди оставшихся живых
Мертвец, что станет делать он?

Война, во время которой испытывались на излом не только огромные государства с военной техникой, армиями и тылами, с философией, с идеями, но и отдельные человеческие характеры, давно окончилась. Ну, а в мирной жизни разве нет такого понятия — бесславие? Разве нет трусости? Любовь и ненависть, слава и бесславие, мужество и трусость — «все остается на земле», как сказал поэт. О любви и ненависти, о славе и бесславии, о мужестве и трусости языком поэзии говорит в своей поэме «Черные воды» Мустай Карим. К лирическому герою поэмы приходит женщина. Кто она? Она — «терпенье, путь без конца, печаль, мольба...» Она — вера в человека и надежда. Долог и труден ее путь, куда труднее чем солдатский. Тот солдатский, который молчаливо проделал герой поэмы, израненный, голодный, с человеком, струсившим в бою. Они

тались наедине вдвоем, мужество встретилось с трусостью, у ней пулей перебиты ноги. Символика точная и ясная — трусость не может стоять, она падает на колени. У мужества есть милосердие, герой поэмы не мог не взять человека с собой, ведь в том еще «теплится душа, глаза глядят с мольбою». Мужество не прощает, но готово сделать все, чтобы спасти и поддержать пошатнувшуюся, еле теплящуюся душу. Но когда оказалось, что и милосердие не помогает встать трусости с колен, когда она вопит: «Нет, на коленях пусть, но жить. Но жить, пусть сдавшись в плен», скорбь и боль мужества кончается, ему нет дела до жалости. И трусость гибнет, пав на колени перед танком врага, гибнет, раздавленная бесследно механической страшной тяжестью войны.

А вера и надежда, как они вершат свой суд? Может быть, они милосерднее мужества? Может, их женский приговор мягче? Смолкает рассказ героя поэмы женщине, которая ждала и надеялась на возвращение своего любимого. Молча встает она, с ее плеч соскальзывает на пол черная шаль, мокрая от дождя, а может, слез? И женщина уходит, ступая по ней. Вера и надежда бросают себе под ноги память о человеке, и от нее остаются только пятна.

Дождь за окошком, бормоча невнятно,
Стихал. И несколько минут спустя
Все высохло. Остались только пятна,
Чернели пятна, на полу блестя.

Вера и надежда исполняют приговор, вынесенный мужеством.

Поэма коротка. В ней всего шесть страниц, но они сталкивают многие понятия и решают большие вопросы жизни, образы ее символически. Но символика прочно заземлена. В поэме все реально, зримо, обыкновенно. Необычен взгляд поэта, сумевшего придать образам поэмы символическую силу и документальную достоверность одновременно.

Хотя Мустай Карим не забывал и раньше в стихах войну, как, впрочем, и другие поэты, по слову, сказанное им, как принято выражаться, пользуясь материалами войны, это новое слово. В поэме нет никаких мостиков в современность, она вся мост, с которого можно далеко видеть воды, что уже утекли, и воды, которые текут под ним и вдаль.

В жизни людям приходится решать многие проблемы, вне коих нет жизни. Особенно юношам, начинающим свой путь, с моста будет виднее. Поэт построил высокий мост, вставай на него, оглянись и подумай: вот для чего написал поэт о далеком.

дыню, когда он возжелал встать над народом, гибнет, разбиваясь о землю, которая родила его. История былинная и известная людям рассказана поэтом ярко и темпераментно и становится живым, необходимым словом современной поэзии нашей, так же как и другая поэма — «Песня про атамана Семена Дежнева, славный город Великий Устюг и Русь Заморскую» — о тех людях-землепроходцах, трудами и усилиями которых Русь выросла в Россию. Поэт хорошо знает и помнит, чем стала для нас история и как вспомнили мы о ней и обратились к ней в горестном тяжком году, когда нам было невоготу, когда враг прорвался к Волге. В истории черпал народ силы, чтобы устоять под Москвой. История стала для нас в лихую годину той гордой территорией России, на которую не ступала и не могла ступить никогда нога врага.

Поэзия властью своей сближает времена не для демонстрации оптических фокусов и в дни мира, жаркими, радостными, я бы сказал, дионисиевскими красками бережно воскрешает Наровчатов мир, который ищут по городам и весям, в который все пристальной всматриваются наши юные современники, физики и лирики. дети солдат, взглядываются,

чтобы обрести высоты духа, бывшие высота-ми духа задолго до них и не подвластные никаким катаклизмам.

Читая стихи товарищей, я вижу, что остро-современное ощущение мира и историзм мышления сочетаются у них с лиризмом предельной открытости. Поэты всех времен и народов писали о любви. У поколения поэтов, о котором я говорю, есть свои сильные стихи о любви, о той, что прошла с ними по огненным дорогам войны и по сложным дорогам мира. Однако тут я, пожалуй, не стану говорить, что за примерами далеко ходить не надо, ибо книга о любви Михаила Луконина «Испытание на разрыв», которую я привожу как пример, — редкая книга. Удивительная. О любви высокой, благородной и трагической — не надо бояться этих слов. Кто сказал, что любовь должна быть обязательно счастливой, ведь главное, чтобы она была. В этой книге нет пустых слов, нет необязательных строф; цельная по своему эстетическому настрою, мужественная в своей сердечной распахнутости, она отвечает любой строкой, лишь тронь ее. Отвечает, потому что в ней зазвенит душа, та самая, ради которой лучше было с войны «прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой». Образ женщи-

ны, достойной высокой любви, я не берусь характеризовать, потому что пришлось бы пересказывать многие стихи, а стихи, как известно, пересказать невозможно. Приведу только одну строфу:

Она оларит надеждами,
осмеивает сомнения
Врачует руками нежными
отметины и ранения
Учит она, воспитывает...
Потом
на разрыв
испытывает.

Я мог бы говорить о многих поэтах и многих книгах стихов. Но я остановился кратко на работах трех мастеров для того, чтобы выделить три измерения — остросовременное ощущение мира, историзм мышления и лиризм, без которых объемный мир поэзии невозможен.

Война, мир, армия, любовь, ненависть — сами по себе темы мало что значат, темы могут быть самыми разнообразными, главное — это идейные позиции художника, его чувство ответственности перед народом. Военно-патриотическая поэзия не есть только лирика, одетая в защитную форму, но о чем бы мы ни писали, мы всегда остро ощущаем от-

Как под огнем прицельным,
перекрестным

стои, обелиск.

Не отвожу лица.

Он вам, живым, остался Неизвестным,
а я-то знаю этого бойца.

Живу сверх меры

празднично и трудно

и славлю жизнь на вечные года.

И надо бы мне уходить оттуда,

а я иду, иду, иду туда...

СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ

Север России, Вологодчина, край заволоцкий, заповедник былинного и песенного творчества народа, родина Сергея Викулова. Его биография типична для поколения, вступившего в свое совершеннолетие, когда на отечество наше обрушилась страшная беда — вторая мировая война. За плечами вчера отзвеневшее детство у синих лесов, серебряных рек и озер, только сегодня началась юность, студенческие годы познания мира и наук и сразу все оборвалось — впереди немецкие танки и пикирующие с неба «юнкерсы» и «мессеры». И тяжкий путь — дорога длиной в четыре года от Волги до Дуная, по которой прошел капитан Викулов, командир зенитной батареи, — дорога миллионов советских солдат.

Часто, когда пишут о поэте, многое принято объяснять в его творчестве фактами биографии, прямой связью существующей между ними, бывает, что статьи при этом стано-

вятся похожими на развернутую художественную характеристику отдела кадров; вероятно, такие статьи справедливы, но они, на мой взгляд, весьма односторонни.

Конечно же поэту необходимо всегда и всюду эмоционально и прочно ощущать связь с героями стихов, с полями и околицами, с которых летит в песнях и частушках самородное удивительное крылатое слово.

Конечно, он должен быть верным сыном своего времени, его забот, радостей и печалей.

Им Викулов был и в детстве, и в юности, на черных дорогах войны под багровым небом, и после нее — на своей Вологодчине, которую исколесил вдоль и поперек, хотя в ее границах могут легко уместиться несколько европейских держав.

Им он и остается теперь — его добрые друзья пахари и сеятели, партийные работники и сельские интеллигенты часто встречают его в разных краях отечества.

Мне довелось быть редактором первой книги стихов Сергея Викулова, вышедшей много лет тому назад в Вологде. От нее до нынешних стихов и поэм, изданных Викуловым, большой путь, который измеряется не упомянутыми выше прямыми связями, а кате-

гориями эстетическими и философскими, освоением поэтического мастерства, духовной зрелостью, глубиной восприятия и раскрытия действительности.

Названия книг поэта просты, неброски и даже тихи. Нет в них громкости, привычной уху в век покорения космоса. Нет в них и масштабности при нашем всечасном ощущении близости далеких материков и стран, с которой мы ложимся спать и просыпаемся, будь то в огромном городе или в одинокой избе над ручьем.

Названы книги спокойно, без особых прикрас. «Околица», «Черемуха у окна», «Хлеб да соль» или как присловье из старой присказки «Против неба на земле» или уж совсем тихо, как незаконченная фраза из разговора двоих «А всего то и помнится...»

Однако надо иметь большую поэтическую смелость и уверенность в своих силах, чтобы так называть свои книги.

Хлеб да соль — это ведь основа всего сущего, без них не проживешь. Много можно сказать об этих простых и всем известных хлебе и соли.

Околица — ясно, что это не субконтинент, а сколько их по всей державе — окиньте мысленным взором, авось и наберется на него.

Против неба на земле — адрес непривычный, но точный. Ведь и мы с вами прописаны там же.

Конечно же, дело не в названиях книг, были бы стихи хороши. Да, это справедливое условие; достойное и главное, приемлемое для поэта, так назвавшего свои книги.

Названия подчеркивают его поэтическую позицию, раскрывающуюся в стихах и поэмах.

Они знаки мира, им созданного, простые и сложные, малые и вместе с тем большие. Это знаки его пристрастия и кровной причастности к живущим под сельскими крышами людям с характерами цельными и сильными, вынесшими на плечах своих тяжесть войны на фронте и в тылу, к людям, которые ныне кормят державу хлебом.

Это знаки его любви к земле древней и одновременно молодой от травинки, согнувшейся под каплей росы, до неоглядных просторов.

Это знаки вдохновенья и мастерства, с которыми гранит он свои строки в русской советской поэзии, создавшей немало прекрасных стихов, стихов о природе и тружениках земли.

Так что названия тоже не последнее дело.

Поэт берет на себя ответственность за них и заявляет об этом.

«Я не знаю в поэзии последних лет произведений, в которых была бы так широко и многогранно представлена жизнь современного колхозного села, как она представлена в поэмах и стихотворениях Сергея Викулова». Так пишет о его поэзии известный критик Валерий Дементьев в предисловии к одной из книг. Действительно, ни у кого из нас нет таких панорамных картин сельской жизни, это мир, созданный и утвержденный им.

Вспомним хотя бы поэму Сергея Викулова «Против неба на земле» — характерную для него живую хронику сельской жизни. Сколько в ней ярких, удивительно предметно написанных, картин повседневного труда в летнюю пору в деревне, картин отдыха и короткого воскресного праздника, освещенных тонким лиризмом и добрым авторским юмором. В стихах предстают люди с характерами разными, портретно запоминающиеся, самые что ни на есть обыкновенные, не романтические герои, а женщины и мужчины многих поколений и судеб, связанных общей главной колхозной заботой, большой судьбой...

Они живут, действуют в стихах, говорят своим неповторимым языком, как бы записанным автором при встречах с ними, рассказывая о самом сокровенном, важном для них.

Для поэтического воспроизведения нет преград, даже в самом что ни на есть прозаическом материале, которым оно пользуется. Память и слово фиксируют детали труда с точностью и краткостью, необходимой в связи с главной задачей лепки образа человека. Очень объемна и ярка, на мой взгляд, и характерна глава «Анисьино утро».

Утро, начинающееся с извечных женских забот в деревне. Кто знает и помнит деревенское утро хозяйек, тот оценит обязательность, точность и масштабность казалось бы мелких деталей быта, замеченных и отобранных поэтом. Он особо выделяет в стихах главный, я бы сказал, праздничный, творческий кульминационный акт этого утреннего труда.

...тесто на стол — началось колдовство.

Сразу в колоб скатала Анисья его.

После пальцами сильно прошлась по бокам,

а потом в две руки по щекам, по щекам!

Отступилась. Муки на середину стола

раструсила щепотку и скалку взяла

Р раз — вперед, два — назад, три...

И нет колобка.

Разрумянилась даже Анисья слегка,
ошутила себя молодой, молодой,
не злосчастной вдовой — еще мужней женой,
и седники у нее под платком ни одной

Поэтические позиции Сергея Викулова глубоко гражданственны, его деревня всегда социальна, актуальные современные проблемы захлестывают ее и рассматриваются поэтом в стихах, я бы сказал, «с очерковой» пристрастностью, родственной пристрастности очерков Валентина Овечкина о деревне, но публицистичность, с которой они иногда выражаются в стихах, бывает, что тускнеет от времени, которое само снимает отдельные проблемы.

Но населенность поэмы живыми инициативными людьми, судьбы и характеры жителей колхозного села Острец, неразрывная трудовая и эмоциональная связь их с природой, которая в стихах поэта одухотворена и живописна, представляются мне значительными поэтическими открытиями мира, движущегося, реального, трепетного, динамика которого, как и в реальной жизни, определяется, обуславливается именно ими — людьми, живущими «против неба на земле».

Современность для Викулова не во внешних приметах нового в быту и труде деревни,

она в умонастроении, в духовном мире этих людей.

Сам поэт непрерывно продолжает поиск, идущий в глубину человеческой души, и на этом пути освобождается от некоторых иллюзий, имевших место в его более ранних стихах и поэмах, от литературных издержек и приходит к новым масштабам и измерениям.

Так в поэме «Одна навек» он как будто бы и не отказывается от публицистики, точнее сказать от злободневности, поэме даже предпослано пояснение о том, что это «лирическая поэма с публицистическим отступлением», но это уже историко-философские обобщения мастера, а не злободневная публицистика, обобщения органично естественно включенные в общую концепцию поэмы.

Что может быть значительней и интересней для поэта, чем человеческая судьба; о ней поэма «Одна навек», и две строчки стихов, которые я хочу процитировать, являются как бы камертоном к поэме, определившим ее настрой, тональность:

Достойна славы и печали
Судьба ровесников моих...

О чем поэма? Да о мужчине и женщине, а точнее, о мальчишке, юноше, солдате, муже,

отце и о девочке, девушке, невесте, жене, матери. С пронзительным лиризмом звучат некоторые главы этого небольшого произведения, повествующего о двух судьбах в дни мира и войны. Солнечный ветер сенокосных лугов трагически схлестывается в поэме с огневой бурей, проносящейся над черными окопами; летят годы, жизнь торжествует над бедой, и на круг в восьмистрочном промельке выходят новые мальчишка и девчонка в конце поэмы почти такие же, но уже с новой, иной, еще неизвестной нам судьбой, как бы подчеркивая кругооборот жизни, неизбежный и вечный.

СОДЕРЖАНИЕ

Согревая душу человека...	7
Высота поэзии	18
Удивительная речь	26
Солдат революции	32
Михаил Дудин	55
Приглашение к путешествию	80
С подлинным верно	91
Север — край поэтический	110
Поэзия мужества	144
Читая стихи товарищей	153
Слово о земляке	167

Сергей Сергеевич Орлов

СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ

Редактор **И. Н. Фомина** Художник **Ю. А. Боярский** Художественный редактор **Э. А. Розен** Технический редактор **Л. М. Беседина** Корректор **Л. В. Конкина**. Сдано в набор 8/1-74 г. Подписано к печати 11/IV-74 г. Формат бумаги 60×90^{1/32} Физ. печ. лист. 5,5. Уч. изд. л. 5,08. Изд. индекс ЛХ-715. А05670. Тираж 20 000 экз. Цена 22 коп. Бум. № 1. Зак. № 160. Издательство „Советская Россия“. Москва, пр. Сапунова, 13/15. Сортавальская книжная типография Управления по делам полиграфин и книжной торговли Совета Министров КАССР, г. Сортавала, ул. Карельская, 42.

22 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ